

«В главном - единство, в спорном - свобода, во всем - любовь»

Блаженный Августин

ИЗДАНИЕ НОВОСИБИРСКОЙ ЕПАРХИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ПРАВОСЛАВНАЯ СЕМЬЯ

2/2015

выпуск № 30

Выпускается по благословию Высокопреосвященнейшего Тихона, митрополита Новосибирского и Бердского

Претерпевший
до конца
спасется...

*Аще кто хочет Мне ити, да отвержется себе,
и возьмет крест свой, и последует Ми.
Лк. 9,23*

О СТРАДАНИИ И ТЕРПЕНИИ

всякое огорчение, а милостей, которые получаем от Господа, напротив, не замечаем, считая, что они есть само собой разумеющееся, и потому остаемся неблагодарными Господу. И, лишь когда посетят нас скорби, начинаем мы, как должное, оценивать то счастливое время, когда их не было, и даем обет, что, если скорби пройдут, будем благодарны Богу за мирное, спокойное существование и времяпрепровождение.

Мы ропщем иногда на болезни, между тем как должны бы благодарить за них, потому что, не говоря уже о будущей награде за страдания, они благодетельны для нас и тем, что укрощают наши страсти, которые без того могли бы в нас усилиться и Бог весть до чего довести. И потому, если посетят тебя болезни, старайся переносить их с терпением и не искушайся мыслью, что они мешают твоим подвигам духовным.

Великий подвиг - терпеливо переносить болезни и среди них воссылать благодарственные песни Богу. Мы лишились очей? Не будем печалиться: внутренними очами мы можем созерцать славу Божию. Лишились слуха? Возблагодарим за то, что вовсе не будем слушать пустых речей. Не действуют руки? Но у нас есть внутренние длани, готовые на брань с врагами. Страждет болезнью все тело? Но через сие умножается здравие внутреннего человека.

В миру многие думают и говорят, что Господь не любит тех, кому посылает скорби. Но это - мнение людей, которые сами не имеют любви к Иисусу Христу, забыли сказанное в Писании: Кого любит Бог, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает (Евр.12,6). И еще: Сын мой! не пренебрегай наказания Господня, и не унывай, когда Он обличает тебя (Евр.12,5).

Надо не переставать повторять

себе, что скорби чрезвычайно полезны душе нашей, что они ведут нас к спасению и не их должны мы бояться, а того, чтобы Господь не забыл о нас, - вот истинно была бы величайшая скорбь. А когда Он посылает нам Кресты, то это доказывает не только памятование Его о нас, но и любовь Его к нам, грешным. Эту высокую истину, как можно глубже, должны мы запечатлеть в своей душе. Скорби уничтожают нашу гордость, смиряют - рано или поздно - самые ожесточенные сердца, и обращают их к Богу.

Люди святой жизни учат, что если мы не в силах от всего сердца благодарить Бога за скорби, то следует хотя бы и насильно заставлять себя говорить: "Благодарю Тебя, Господи, за скорби, мне посланные", - и этот первый акт покорности, хотя и принужденный, послужит нам благим началом к тому, чтобы со временем благодарить Бога и от души.

Но такого состояния нельзя достичь иначе, как частым общением с Господом чрез принятие Святых Его Таин и чрез молитву, особенно слезную. Слезы сами по себе смягчают душу, а затем облегчают скорби и делают душу лучше и чище. Скорби также лучше всего приготавливают нас к великому таинству смерти, неизбежной для каждого.

И не будем, дорогие, не будем унывать в своих скорбях, которых так много, ведь мы имеем такого искусного Путеводителя, Который проведет нас чрез все опасности, спасет и приведет в место светлое и прекрасное, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная. Аминь.

*"Православная газета", № 4, 2002г.
Архимандрит Кирилл (Павлов)*

Дорогие братья и сестры, цель нашей жизни - спасение души. Много путей, ведущих к этой цели, и все они благословенны. Однако из них всех скорбный путь - путь креста - один из самых коротких, а потому мы не только должны не ожесточаться в скорбях и переносить их с терпением, но еще и благодарить за них Бога. Мы же, по своему малодушию, боимся скорбей, не хотим верить, что они полезны для нашей души, забывая, что только "многими скорбями подобает нам внити во Царствие Божие" (Деян.14,22).

Можно ли прожить без скорбей? Конечно, нет! Причина наших скорбей заключается в грехопадении Адама, а поэтому в них мы несем должное наказание за прародительский грех. Однако, вместе с тем, они очищают нас и от наших собственных грехов и ведут в Царствие Божие. Ясно, что желать не иметь скорбей - значит, желать невозможного. Души скорбящие, терпеливо несущие свой Крест, - это любимые дети Божии, и Господь всегда с ними. Они идут как бы предшествуемые Самим Спасителем, Который часто обращает на них с любовью Свой взор. По кресту они, так сказать, родственны Господу Иисусу - и какое это высокое родство! Мы забываем, что если скорби не приближают нас к Богу, то единственно по нашей вине: вместо покорности и терпения у нас является ожесточение сердца.

Необходимо также сказать и следующее: часто мы слишком преувеличиваем свои горести, замечаем

Новый номер нашего журнала посвящен скорби, страданиям в жизни человека на земле. Страдание по меркам обычной жизни – это то, чего человек должен всеми силами избегать. Но о необходимости христианину страданий и скорбей говорили и Господь — «в мире будете иметь скорбь» (Ин. 16, 33), и апостолы, и все святые отцы: «Многими скорбями надлежит вам войти в Царство Небесное» — говорил апостол Павел (Деян. 14, 22). «Нет скорбей — нет и спасения», — говорил прп. Серафим Саровский. В жизни современного, во многих своих проявлениях, постхристианского общества страдания и даже мученичество не редкость для христианина, и к ним надо быть готовыми. Об этом напоминает автор рубрики «Актуальная тема».

Главная скорбь, которая не минует ни одного из живущих на земле – смерть. Как преодолеть страх смерти – об этом размышляет автор рубрики «Мысли вслух».

Но бывают и мнимые, надуманные скорби, запутавшись в которых, человек теряет смысл жизни. Как избежать маленьких трагедий – в рубрике «Ваше мнение». Но если трагедия не маленькая, а такая, которая переворачивает всю жизнь? Как жить, когда мир рухнул? Это вечный вопрос и отвечает нам на него из седой древности многострадальный Иов. Читайте его историю в рубрике «О вечном».

Как родителям подготовить своих детей к неизбежным жизненным тяготам, к терпеливому несению своего креста, научить их понимать смысл страдания, и правильно выходить из испытаний: об этом мудро и взвешенно говорит автор статьи в рубрике «Опыт воспитания».

Но как жить, когда, кажется, Бог не слышит тебя? Это состояние знаком каждому верующему человеку. Так считает автор рубрики «О личном».

Читатели журнала вновь побывают в Греции вместе с автором рубрики «Паломничество». Как всегда, мы приготовили новые интересные рассказы для детей, продолжение повести «Дедушкин чердак» для подростков, тематическую крестословицу о Ноевом ковчеге. Литературные странички продолжают тему «Времена года», литературный обзор в номере посвящен книгам недавно усопшей православной писательницы Юлии Вознесенской.

Уважаемые читатели, просим Вашей поддержки!
 Пожертвовать на издание нашего журнала можно пополнив счет редакционного телефона 8-923-101-58-52 на любую сумму

Журнал «Православная семья», издание Новосибирской епархии Русской Православной Церкви. Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви, свидетельство № 115 от 01.08.2011г.

Главный редактор: протонерей Дионисий Михалев. Редактор: Лютина Ю.В.

Редакционный совет: Тихобаев Ю.П., Чернакова Е.О., Каргополова Е.В.

Дизайн и верстка: Смирнова Л.В.

Тел. (383) 348-5370, 308-75-03

www.skh.su e-mail: kat150171@gmail.com

Отпечатано в типографии ООО "Печатный дом - Новосибирск". Тираж 999 экз.

Подготовлен прихожанами прихода в честь иконы Божией Матери «Казанская» п. Краснообск. Издается на пожертвования прихожан.

Журнал можно приобрести: на Епархиальном складе;

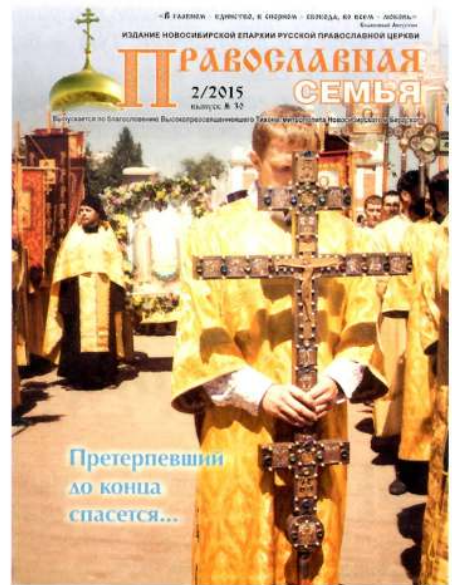
в лавках прихода во имя иконы Божией Матери «Казанская»;

киоск по ул. Б. Богаткова, у дома № 208;

киоск по ул. Геодезическая, 8 (НГТУ, ст. метро Студенческая);

вестибюль ст. метро Площадь Маркса (выход на улицу Ватутина);

в Сергиево-Казанском храме п. Краснообска, (конечная остановка).

Читайте в этом номере:

Актуальная тема	
Трагедия современного христианства	4
Мысли вслух	
Без страха в путь вся земля	8
Ваше мнение	
Маленькие трагедии.	11
Паломничество	
Греция. Путевые заметки. Часть 2. Афон.	14
О вечном	
Слава Богу за все	17
Опыт воспитания	
Дети и жизненные испытания	20
Колокольчики	
Рассказы старого колокола. Мироносицы.	22
Дедушкин чердак.	25
Сказка . Про дедушку Борю, внука Ваню, голубя и ёжика.	28
Крестословица	29
О личном	
Без Бога в душе	30
Литературные странички	
Времена года. Весна. Таксист	31
Книжная полка	
Советуем почитать	35

Просим молить о здравии рабов Божиих: протоиерея Дионисия, Иулии со чадами, Димитрия, Елены со чадами, Сергия, Юрия, Елены, Любви, Екатерины со чадами, Сергия, без помощи которых издание нашего журнала было бы невозможно.

Приглашаем к сотрудничеству людей, занимающихся фотографией, пишущих стихи и прозу, рисующих.

Ищем постоянных благотворителей.

Желающие получать наш журнал по почте наложенным платежом могут позвонить по телефонам редакции или отправить заявку по электронной почте.

Просим не использовать журнал в хозяйственных целях. Если он стал вам не нужен — принесите его в храм или подарите другим людям.

Что-то странное творится в нашем мире. С одной стороны – безудержное истерическое веселье, с другой – смерть и разрушение. Тут – бери от жизни всё, там – конец света приближается. Голос разума, трезвения почти не слышен, зато воздух буквально напоен ощущением трагедии, близкого и страшного конца. Законы, казавшиеся естественными и незыблемыми, отвергаются и попираются. Общий восторг вызывает уродство. Красивое и доброе объявляется глупым и пошлым. Ребёнок должен ненавидеть своих родителей и смеяться над ними. Женщина должна быть с бородой, а не с косой. Лучшее развлечение – чужие страдания и смерть. Главные доблести – обман, трусость и предательство. А кто не хочет так жить – тот тупой, непроходимый, отсталый, да вообще вредный элемент.

ТРАГЕДИИ СОВРЕМЕННОГО ХРИСТИАНСТВА

Искусство должно учить добру, будить в человеке самые лучшие чувства? Да кто вам такое сказал?! И при чём тут – есть талант, нет таланта. Искусство – это чтоб не как у всех. Как-нибудь с особым вывертом, чтоб аж дух захватило от оригинальности и широты мышления. И тут все средства хороши. Можно – голышом по сцене. А что – свежо, оригинально, шокирует. И не важно, что так танцевали ещё так три – четыре тысячи лет назад. И до сих пор – в Африке, после удачной охоты. Можно – чтобы крови было побольше. Правда, так уже тоже было. Превзойти царя Ирода или Нерона вряд ли удастся. Можно нарисовать картины, где у лиц вмес-

то глаз – дыры, вместо носа – пятна, уши на ногах, голова на спине, и объявить это истинным видением мира. Ещё можно посмеяться над тем, что не подвергается осмеянию. Над смертельно больным ребёнком, над матерью, потерявшей сына, над любовью, над глубокой искренней верой, да мало ли над чем. Много чего можно. Нельзя только жить в этом мире. Потому что это – антимир.

На наших глазах разворачивается жестокий фарс. Один за другим, как грибы-поганки, вырастают уродливые «произведения» различного эстетического достоинства. Цель их творцов понятна – изобразить христианство в глупом, смешном и непривлекательном виде. Вера

– удел людей недалёких, неразвитых, ограниченных. Люди же прогрессивные, утончённые ко всему должны относиться легко. Все ценности – относительны. Красота – только модная тенденция. Любое уродство может быть красивым, если так утверждают законодатели моды. Над всем можно смеяться. Из всего можно сделать шоу. Святых тем, не подлежащих осмеянию, нет. Примеры ярки и всем известны.

В новосибирском театре «Глобус» 5 и 6 февраля состоялась премьера спектакля «Песни о Родине», частью которого стала «История о православном ежике» по рассказу Майи Кучерской. По сюжету рассказа, ежик и белочка жили в одном дереве, и ежик, будучи православ-

Репин И.Е. Крестный ход в Курской губернии

ным, уговорил белочку покреститься в реке, несмотря на ее боязнь воды. В итоге белочка захлебывается в реке, но ежик и весь лес говорят «Слава Богу», радуясь, что белочка умерла православной. Как пояснил режиссер Дмитрий Егоров, он прочитал эту историю полгода назад, и она сразу его зацепила. «Для меня это история гораздо более широкая, чем православие... История за мир во всем мире, скорее», — отметил режиссер, подчеркнув, что в работе группа старалась бережно относиться к чувствам верующих. Он добавил, что спектакль поднимает, в частности, клерикальную тему и тему российского сознания, «дальше уже каждый считывает, как ему хочется». Спектакль идет с пометкой 18+, так что детей туда не пустят.

Ещё более прогрессивным оказался Новосибирский театр оперы и балета, поставив классику — оперу Вагнера «Тангейзер». Режиссёр Тимофей Кулябин радикально переосмыслил сюжет оперы, а если называть вещи своими именами, то просто придумал совершенно новую историю, происходящую в наши дни. В этой истории Генрих Тангейзер стал знаменитым кинорежиссером, а состязание певцов в Вартбурге — Вартбургским международным кинофестивалем, на который Тангейзер, известный затворническим образом жизни и вздорным характером, приглашен со своим новым фильмом «Грот Венеры». Именно так вольно режиссёр обошелся с царством богини любви, где происходят первые сцены оперы Вагнера, — грот становится декорацией, а действие разворачивается на съемочной площадке фильма, в павильоне, где живет и работает режиссер. Часть партии Тангейзера здесь передана Иисусу, который и замышляет побег из обители вечного наслаждения в реальный мир страдания и смерти. Дело в том, что отшельник и еретик Тангейзер снимает фильм о «потерянных» Евангелием годах жизни Иисуса — по версии кинорежиссера, он провел их в том самом гроте Венеры, в гостях у богини наслаждений.

На самом деле замечательный писатель Майя Кучерская свою историю рассказала как пародию на приторно-сладкие детские православные книжки, которые пишут не

слишком умелые авторы. Вырванная из контекста книги, помещённая на сцену с режиссёрскими добавлениями к короткому сюжету, история утрачивает авторский смысл и обрачивается злым фарсом. О «Тангейзере» даже говорить не хочется — Вагнер написал оперу о чуде, которое рождается из покаяния, любви и милости Божией. Возникает вопрос к режиссёрам — зачем? Если очень хочется выделиться, так, чтобы прогреметь на весь мир, или хотя бы на часть его, не лучше ли придумать что-то этакое самим? Не используя для своих не слишком благовидных целей известные имена. Правда, для этого надо обладать талантом, даром. Для грубой пародии дар не нужен. Достаточно навыка. А скандал, по законам шоу-бизнеса, кратчайшая дорога к популярности, славе и деньгам. По словам С. Худиева: «Непристойные «прочтения» известных произведений — это не культура, это уничтожение культуры. Протест против такого уничтожения — это не «нападки Церкви на культуру». Это защита культуры от попыток ее разрушить».

Но это только часть истории, которая лежит на поверхности. Это мерзко, раздражающе действует на общественное мнение, но не трагично. Другая же, глубинная движущая сила этих и подобных историй напоминает нам, живущим в благополучное время, Евангельские слова: «возложат на вас руки и будут гнать вас, предавая в синагоги и в темницы, и поведут пред царей и правителей за имя Мое...» (Лк. 21, 12). Нынешнее благополучие — мнимость. По словам епископа Илариона (Алфеева), в современном мире более подвергаются преследованиям около 100 миллионов христиан. Комиссия епископских конференций Европейского Союза в октябре прошлого года сделала вывод: «По крайней мере, 75% всех преследований по религиозному признаку в мире происходят по отношению к христианам».

Ливия и Египет, Сирия и Пакистан, Ирак, Северная Корея, Индия, многие другие страны Азиатского региона, Африка — за то, что человек называет себя открыто христианином в этих государствах, он рискует жизнью, по закону или по попустительству власти. За послед-

нее десятилетие были разрушены сотни храмов, замучены, убиты, изгнаны тысячи людей!

Ужасающие события последнего времени — мученическая смерть египетских христиан-коптов. Сцена убийства исламистами 21 копта, качественно снятое по сценарию видео, опубликованное 15 февраля, провисело на youtube полдня. На нем кадры с одетыми в черное боевиками и коптами в оранжевых одеждах, стоящими на коленях, чередуются с надписями на арабском. Из жестокого преступления сделали шоу! А голливудский режиссёр (между прочим, женщина) разобрала это шоу и вынесла своё заключение: «Превратить Средиземное море в красное от крови Красное море - ужасающий эффект, но в действительности для этого не достаточно крови 21-го человека, которая на воздухе быстро меняет цвет, - отметила голливудский режиссер фильмов ужасов Мэри Ламберт». То есть, как она считает, это просто студийная постановка. Люди, правда, погибли. Но это уже неважно.

Проблема преследования христиан много лет практически замалчивалась в Европе. Европейские политики, движимые духом политкорректности, много говорили о недопустимости антисемитизма, исламофобии, других проявлений религиозной или этнической нетерпимости, но почему-то обходили молчанием тему дискриминации христиан.

В 2012 году в спокойной и благополучной Германии совершено более 400 нападений на религиозной почве именно на христиан, число нападений в стабильной Финляндии значительно ниже — 52, но в том числе были совершены и убийства! В Великобритании нападений на христиан за тот же период времени было совершено 1542, а в Шотландии — 687. Акты антихристианского насилия, вплоть до убийств, практически, не освещаются в СМИ. «Тот, кто выступает за права геев, не испытывает противодействия, — сказал в своем выступлении депутат Бундестага ФРГ Фолькер Каудер. — Но если кто-то пытается защитить христиан, он должен бесконечно оправдываться перед обществен-

ностью. А как раз христиане и стали сейчас наиболее гонимой религиозной общиной в мире».

В большинстве стран ЕС запрещается открыто праздновать Рождество, а в Великобритании Рождество даже переименовано в «зимний праздник». Всем известен случай, когда ведущая норвежского телевидения была уволена за появление в телеэфире с натальным крестиком, что возмутило телезрителей-мусульман. Но масса аналогичных историй с менее заметными людьми не становится предметом гласности.

Несколько лет назад уголовный кодекс Швеции был дополнен нормой, устанавливающей ответственность за неуважение к меньшинствам. По этой статье на месяц тюремного заключения был осужден пастор из города Боргхольма, чье преступление заключалось в том, что он проповедовал библейское учение о недопустимости сексуальной аморальности и распущенности.

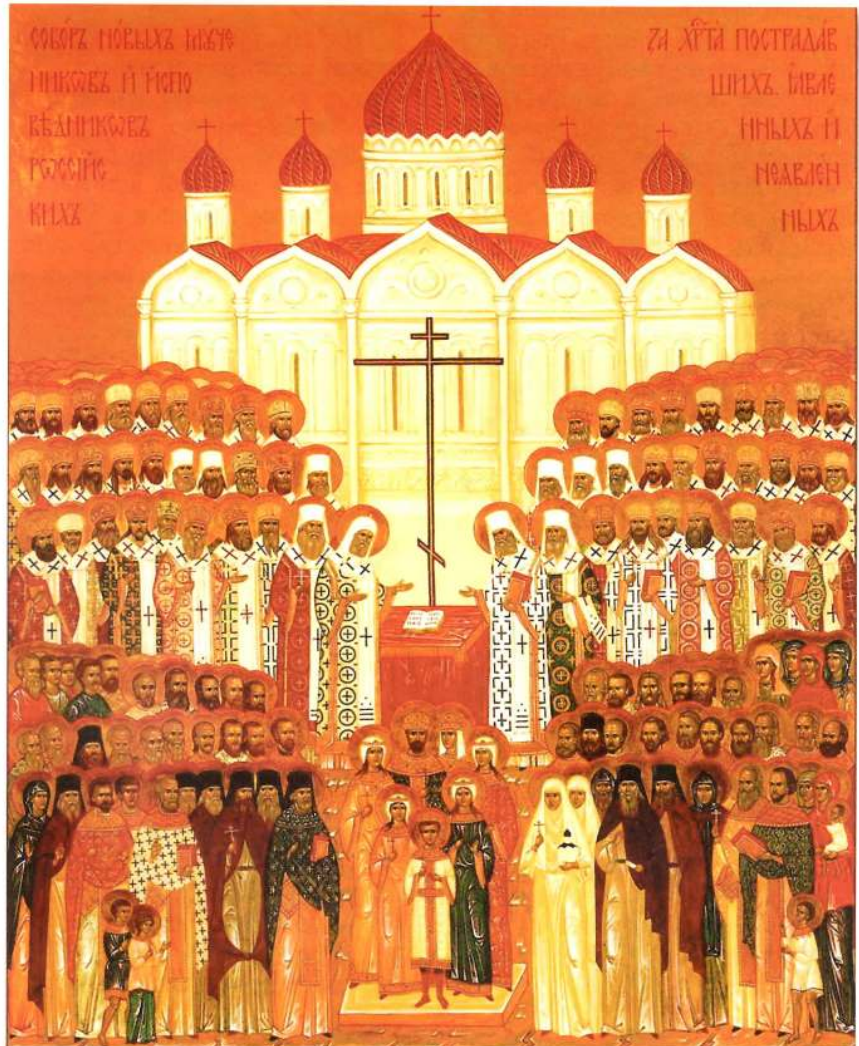
А что в России? За примерами далеко ходить не надо, стоит только открыть новостную строку в Интернете. В нашем родном городе, где не один десяток храмов и тысячи православных, после новостей о том, что митрополия подала жалобу в прокуратуру на постановщика скандальной оперы, на первом месте в комментариях жителей что-нибудь вроде: «Достали эти православные, пусть у себя в храмах сидят и не высовываются!». Или так, как будто желая похвалить: «Надо отдать должное православным. Пусть несколько коряво, но теперь они пишут жалобы, обращаются в суды и требуют соблюдения существующих законов, что раньше было просто немыслимо». Пугающие прохожих ежегодные «монстрации» в мае — тоже изобретение нашего родного города. Можно сказать, что агрессия по отношению к христианам происходит от незнания основ веры, характерна для тех, кто вырос в современном секуляризованном обществе. Это, конечно, тоже есть. Просто удивительно, как возможно в наше время дремучее невежество в вопросах православной веры. Незнание исправляется просвещением. Это было бы ещё не так страшно. Просвети человека, объясни, по-

кажи — и он тут же проникнется светом Христовым. Но, для справки — наш новосибирский главный автор-вдохновитель «монстраций» и других, явно антихристианских действий, детство и раннюю юность провёл в замечательном православном лагере. Отдыхал, молился среди воцерковленных детей, под опытным духовным руководством хорошего священника. Не помогло. А это наводит на тревожные размышления. Человек жил в церковной традиции, участвовал в таинствах, носил крест. Вырос и отказался от всего, что было дорого. Это действительно трагедия для души. Было уже такое в нашей недавней истории.

Гонения на Церковь Христову не удивительны — настолько она противоречит духу мира, обещающего наслаждения без конца. Только отключи мозг, не напрягайся, не задумывайся — а мы тебе покажем всё новые и новые шоу. И будет тебе весело. А вон те, мрачные, в серых одеждах — это православные. С ними — нудно и скучно.

Они из всего делают трагедию. А на самом деле всё не так уж плохо. Просто надо чуть поступиться совестью, немного покривить душой, несколько раз назвать чёрное — белым, а белое — чёрным. И всё! Дальше — дело привычки. И не надо делать из такой ерунды трагедию, говорить о смерти души. Кто её, душу, видел? Кто измерял и взвешивал? А что болит иногда что-то там такое, в глубине, так это можно и заглушить. Можно выпивкой, можно потоньше — славой, тонким эстетством, богатством, погоней за вечной молодостью или вечным наслаждением. Главное — не слышать этот беспокойный голос, призыв — покайся. А со временем он станет тише, потом и вовсе пропадёт.

Что же делать нам, христианам? Жить в духе мира, или объявлять ему войну? «Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10, 16). Эти слова Христовы обращены к апостолам, посылаемым на проповедь миру. Но следуем ли мы этим словам в своей повседневной

христианской жизни? И нет ли нашей вины в тех трагедиях, которые ежедневно разворачиваются в душах ближних? Большинство из нас несут в себе отпечаток лет безбожия. Мы православные «в первом поколении», традиции прерваны. Более того, наши родители, другие близкие в большинстве неверующие люди, и многим пришлось пройти через трагедию ломки семейных отношений с самыми родными людьми, и эти трагедии остаются неизжитыми, непреодоленными до конца. Первые неопитские порывы часто оставляют глубокие раны в душах. Объяснить, примириться, покрыть любовью у нас не хватает мудрости, а простота часто подменяется неоправданным опрощением. И начинает человек с университетским образованием говорить языком земледельца начала прошлого века, да ещё так, как он это себе представляет. И книжки писать «правильно-православные». И бегут по дорожкам православные ёжики, скачут по веткам православные белки. И это грустно и смешно. Кстати, смеяться в этой далёкой от реальности жизни тоже воспрещается. Раз те, в миру, осмеивают всё, что не поддается осмеянию, то мы вовсе не будем смеяться! Жизнь должна носить трагический оттенок, разве не этому учит нас Церковь? Мы должны помнить о смерти и бегать греха. И, вообще, Христос не смеялся!

Удивительно, что самыми веселыми христианами в Православной Церкви эпохи жестоких гонений оказываются как раз те, кого литература и фольклор предшествующих веков рисуют самыми мрачными — монахи. Многие величайшие исповедники веры XX века известны также как большие юмористы — это и святитель патриарх Тихон (Белавин), и святитель Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский (Максимович). Эти люди решительно ломают стереотипный образ православия как религии суровых ханжей. «Добрый смехом можно бесшумно развеять скопившиеся тучи злобной спорливости, ненависти, даже убийства», — говорил святитель Иоанн (Максимович). И все же, «есть два смеха: светлый и темный, — отмечал он. — Их сейчас

же можно различить по улыбке, по глазам смеющегося. В себе его можно различить по сопровождающему духу: если нет легкой радости, тонкого, мягчащего сердце веяния, то смех несветлый. Если же в груди жестко и сухо и улыбка кривится, то смех — грязный». Светский стиль общения патриарха Тихона, его склонность к юмору подчас даже раздражали консервативное монашество. Так, архиепископ Феодор (Поздеевский), после аудиенции у Патриарха Тихона, остался недоволен «несерьезностью» Святейшего. «Все хи-хи, ха-ха и гладит кота», — ответил он одному из своих приверженцев на вопрос о том, как он нашел Патриарха. Кто из нас может усомниться в трагичности времени, выпавшем на долю этих людей? Смогли бы мы понести хотя бы часть столь суровых испытаний? Смех сам по себе не является грехом, он может даже быть защитой от греха, если это добрый смех, — вот смысл подлинно христианского отношения к юмору.

В истории Вселенской Церкви никогда не было таких масштабных и всеохватывающих, долгих и непрерывных гонений, как в России в XX веке. В первые три века существования христианства гонения чаще носили локальный характер и длились не более нескольких лет. Даже самое страшное гонение Диоклетиана и его преемников, начавшееся в 303 г., продолжалось всего 8 лет.

Гонения в России распространились по всей территории огромной страны, занимавшей 1/6 часть планеты; охватили все организации: учебные, хозяйственные, административные, научные; все слои общества и все возрасты: от детей, подвергнутых безбожному воспитанию и преследованиям за веру в детских садах и школах до глубоких стариков, вспомним расстрел в 1918 г. детей - царственных мучеников и расстрел в 1937 г. 81-го летнего священномученика митрополита Серафима (Чичагова), который по болезни уже не мог ходить. Более ста миллионов православных верующих России подверглись, все без исключения, разнообразным гонениям, притеснениям, дискриминации - от издевательств и увольнения с работы до расстрела. И это продолжалось более 70 лет с

1917 года до "перестройки" конца 1980-х годов.

Прославленные Русской Православной Церковью более чем полторы тысячи новомучеников и исповедников представляют собой лишь малую толику сонма подвижников православного благочестия, утвердивших духовно-историческое торжество Церкви в эпоху беспрецедентных по своей кощунственности и жестокости коммунистических гонений.

А что же трагедия для современного христианства? Да, собственно, ничего нового не происходит. Должно быть отвержение миром — и оно есть. Должно быть гонимыми за имя Христово — и этим полна наша действительность. Не хватает современным христианам глубины осознанной веры, за которую можно пойти на смерть, и это будет не трагедией, а счастьем. Да, сейчас в России не преследуют за то, что мы ходим в храм, носим крест. И, по результатам опросов социологов, 70% жителей говорят о себе — мы православные. А на вечерней службе Великим постом храмы пусты... Где православные в самое важное для души время? В Интернете, обмениваются возмущениями по поводу очередной выходки каких-нибудь «творцов нового искусства». Трагедия нашего христианства в сочетании неразумного горячего неопитства с отсутствием привычки к постоянному духовному деланию. Мы не осознали до конца, что сотворили с нами десятилетия оголтелого атеизма и годы не менее оголтелой вседозволенности и хаоса, когда стало можно всё. По сути, здание веры надо выстраивать заново и в стране, и в каждой душе. А это годы тяжелого труда, и результат не всегда будет очевиден сразу. Избранных по-прежнему мало. И поэтому отпадение каждой души от Христа — самая большая трагедия современного христианства.

Елена Чернакова

(при подготовке статьи были использованы материалы сайта «Правмир»)

БЕЗ СТРАХА В ПУТЬ ВСЕЯ ЗЕМЛИ

Многое множество православных книг написано о смерти, посмертной участи души и помощи нашим усопшим в их пути к Богу. Но крайне редко встречаются серьезные размышления о простом и понятном человеческом чувстве - страхе смерти. Наверняка каждый из нас не раз с трепетом повторял за дьяконом на просительной ектинье: «Прочее время живота нашего в мире и покаянии скончати, у Господа просим. Христианския кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны, и доброга ответа на Страшнем Судищи Христовом, просим».

Боятся смерти настолько естественно, что этого не избежал даже Сам Христос. Апостолы свидетельствуют: «Потом приходит с ними Иисус на место, называемое Гефсимания, и говорит ученикам: посидите тут, пока Я пойду, помолюсь там. И, взяв с Собою Петра и обоих сыновей Зеведеевых, начал скорбеть и тосковать. Тогда говорит им Иисус: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со Мною. И, отойдя немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты. И приходит к ученикам и находит их спящими, и говорит Петру: так ли не могли вы один час бодрствовать со Мною?» (Мф26:36-40)

Преподобный Иоанн Дамаскин пишет о гефсиманских событиях: «Когда воля человеческая отказывалась принять смерть, а воля Божественная позволяла этому проявлению человечества, тогда Господь сообразно Своей человеческой природе находился в борьбе и страхе. Он молился, чтобы избежать смерти. Но так как Его Божественная воля желала, чтобы Его воля человеческая приняла смерть, — страдание стало вольным и по человечеству Христову».

Так что же нам стыдиться своего страха, горделиво взирая на страх и беспомощность безбожников? Смерть - штука серьёзная и всех заставляет уважать себя. Если уж Господь ищет поддержки у своих

учеников, то и нам хорошо бы понять, как помочь друг другу в смертный час. Размышления на эту тему из сочинений митрополита Антония Сурожского предлагаем сегодня ко вниманию читателей:

«Подумайте, каков был бы каждый момент нашей жизни, если бы мы знали, что он может стать последним... Если бы я знал, если бы вы знали, что человек, с которым вы разговариваете, может вот-вот умереть, и что звук вашего голоса, содержание ваших слов, ваши движения, ваше отношение к нему, ваши намерения станут последним, что он воспримет и унесет в вечность — как внимательно, как заботливо, с какой любовью мы бы поступали!.. Опыт показывает, что

перед лицом смерти стирается всякая обида, горечь, взаимное отвержение. Смерть слишком велика рядом с тем, что должно бы быть ничтожно даже в масштабе временной жизни.

Те из нас, кому случилось жить какое-то время с умирающим человеком, с человеком, который осознавал, как и мы, приближение смерти, вероятно, поняли, что присутствие смерти может означать для взаимных отношений. Оно означает, что каждое слово должно содержать все благоговение, всю красоту, всю гармонию и любовь, которые как бы спали в этих отношениях. Оно означает, что нет ничего слишком мелкого, потому что все, как бы ни было оно мало, может быть выражением любви или ее отрицанием.

Личные воспоминания: смерть матери. Моя мать три года умирала от рака. Ее оперировали — и безуспешно. Доктор сообщил мне это и добавил: «Но, конечно, вы ничего не скажете своей матери». Я ответил: «Конечно, скажу». И сказал. Помню, я пришел к ней и сказал, что доктор звонил и сообщил, что операция не удалась. Мы помолчали, а потом моя мать сказала: «Значит, я умру». И я ответил: «Да». И затем мы остались вместе в полном молчании, общаясь без слов. Мне кажется, мы ничего не «обдумывали». Мы стояли перед лицом чего-то, что вошло в жизнь и все в ней перевернуло. Это не был призрак, это не было зло, ужас. Это было нечто окончательное, что нам предстояло встретить, еще не зная, чем оно скажется. Мы оставались вместе и молча так долго, как того требовали наши чувства. А затем жизнь пошла дальше.

Но в результате случились две вещи. Одна — то, что ни в какой момент моя мать или я сам не были замурованы в ложь, не должны были играть, не остались без помощи. Никогда мне не требовалось входить в комнату матери с улыбкой, в которой была бы ложь, или с неправдивыми словами. Ни в какой момент

нам не пришлось притворяться, будто жизнь побеждает, будто смерть, болезнь отступает, будто положение лучше, чем оно есть на самом деле, когда оба мы знаем, что это неправда. Ни в какой момент мы не были лишены взаимной поддержки. Были моменты, когда моя мать чувствовала, что нуждается в помощи; тогда она звала, я приходил, и мы разговаривали о ее смерти, о моем одиночестве. Она глубоко любила жизнь. За несколько дней до смерти она сказала, что готова была бы страдать еще 150 лет, лишь бы жить. Она любила красоту наступавшей весны; она дорожила нашими отношениями. Она тосковала о нашей разлуке... Порой, в другие моменты мне была невыносима боль разлуки, тогда я приходил, и мы разговаривали об этом, и мать поддерживала меня и утешала о своей смерти. Наши отношения были глубоки и истинны, в них не было лжи, и поэтому они могли вместить всю правду до глубины.

И кроме того, была еще одна сторона, которую я уже упоминал. Потому что смерть стояла рядом, потому что смерть могла прийти в любой миг, и тогда поздно будет что-либо исправить, — все должно было в любой миг выражать как можно совершеннее и полнее благоговение и любовь, которыми были полны наши отношения. Только смерть может наполнить величием и смыслом все, что кажется как будто мелким и незначительным. Как ты подашь чашку чаю на подносе, каким движением поправишь подушки за спиной больного, как звучит твой голос, — все это может стать выражением глубины отношений. Если прозвучала ложная нота, если трещина появилась, если что-то не ладно, это должно быть исправлено немедленно, потому что есть несомненная уверенность, что позднее может оказаться слишком поздно. И это опять-таки ставит нас перед лицом правды жизни с такой остротой и ясностью, каких не может дать ничто другое.

Большей частью самая страш-

ная для умирающего мысль — та, что он отходит, умирает одиноко. То есть: он был частью общества, семьи, жизни, а теперь вдруг настала смерть, и ему никто не может помочь. И мне кажется, что очень важно священнику (а если священника нет, то любому человеку, даже неверующему) подойти и дать умирающему почувствовать, что он не один. Когда человек в таком состоянии, то священник или близкий друг должен считать, что этот человек — единственный на свете, и ему отдать все внимание и все время. И тут я хочу дать пример.

«В начале войны я был хирургом в полевом госпитале, и в моем отделении умирал молодой солдат. Я его, конечно, посещал днем; а в какой-то вечер подошел, взглянул на него, и мне стало ясно, что он не жилец. Я его спросил: «Ну, как ты себя чувствуешь?» Он на меня взглянул глубоко, спокойно (он был крестьянин, поэтому в нем была такая тишина полей, тишина лесов, тишина неспешной жизни) и сказал: «Я сегодня ночью умру». Я ответил: «Да, сегодня ты умрешь. Тебе страшно?» — «Умирать мне не страшно, но мне так жалко, что я умру совершенно один. Умирал бы я дома — при мне были бы и жена, и мать, и дети, и соседи, а здесь никого нет...» Я говорю: «Нет, неправда, — я с тобой посижу». — «Ты не можешь просидеть со мной целую ночь». — «Отлично могу!» Он подумал, сказал еще: «Знаешь, даже если ты будешь здесь сидеть, пока мы разговариваем, я буду сознавать твое присутствие, а в какой-то момент я тебя потеряю и уйду в это страшное одиночество в момент, когда страшнее всего — умирать». Я ответил: «Нет, не так. Я с тобой рядом сяду. Сначала мы будем разговаривать, ты мне будешь рассказывать о своей деревне; дашь мне адрес своей жены. Я ей напишу, когда ты умрешь; если случится, навещу после войны. А потом ты начнешь слабеть, и тебе будет уже невозможно говорить, но ты сможешь на меня смотреть. К тому времени я тебя за руку возьму. Ты

сначала будешь открывать глаза и видеть меня, потом закроешь глаза и уже меня видеть не сможешь, уже не будет сил открывать их, но ты будешь чувствовать мою руку в своей руке или свою руку в моей. Постепенно ты будешь удаляться, и я это буду чувствовать, и периодически буду пожимать твою руку, чтобы ты чувствовал, что я не ушел, я здесь. В какой-то момент ты на мое пожатие руки ответить не сможешь, потому что тебя здесь уже не будет. Твоя рука меня отпустит, я буду знать, что ты скончался. Но ты будешь знать, что до последней минуты не был один». И так и случилось.

У меня был другой случай, тоже во время войны. Попал в больницу раненый немец. Там был молодой протестантский пастор, который, пока тот еще мог воспринимать слово и разговор, читал ему вслух отрывки из Евангелия, с ним молился. Как-то этот молодой пастор вышел из его комнаты в слезах, наткнулся на меня и говорит: «Какой ужас! Этот человек умирает, я больше ничего для него не могу сделать». — «Почему?» — «У нас прекратился разговор, он потерял сознание». Я ему, выразившись очень резко, сказал: «Знаешь что, садись рядом с ним и читай вслух Евангелие на его родном немецком языке, начиная с воскрешения Лазаря». И этот молодой пастор в течение трех суток проводил целые дни и часть ночи при нем, то читал, то молчал, и так прочел ему все четыре Евангелия. В какой-то момент этот умирающий открыл глаза и сказал: «Спасибо, что вы читали. Я отозваться не мог, но каждое слово до меня дошло, и я вошел в новую жизнь...»

Старение. Чаше, чем с внезапной смертью, мы сталкиваемся с долгой или короткой болезнью, ведущей к умиранию, и со старостью, которая постепенно приводит нас либо к могиле, либо — в зависимости от точки зрения — к освобождению: к последней встрече, к которой каждый из нас, сознательно или нет, стремится и рвется всю

свою земную жизнь, — к нашей встрече лицом к лицу с Живым Богом, с Вечной Жизнью, с приобщенностью Ему. И этот период болезни или нарастающей старости нужно встретить и понять творчески, осмысленно.

Одна из трагедий жизни, которая приносит большие душевные страдания и муки — видеть, как любимый человек страдает, теряет физические и умственные способности, теряет как будто то, что было самое ценное: ясный ум, живую реакцию, отзывчивость на жизнь и т. п. Так часто мы стараемся отстранить это, обойти. Мы закрываем глаза, чтобы не видеть, потому что нам страшно видеть и предвидеть. И в результате смерть приходит и оказывается внезапной, в ней — не только испуг внезапности, о чем я упоминал ранее, но и дополнительный ужас того, что она поражает нас в самую сердцевину нашей уязвимости, потому что боль, страх, ужас росли, нарастали внутри нас, а мы отказывались дать им выход, отказывались сами внутренне созреть. И удар бывает более болезненный, более разрушительный, чем при внезапной смерти, потому что кроме ужаса, кроме горечи потери, с ним приходит все самоукорение, самоосуждение за то, что мы не сделали всего, что можно было сделать, — не сделали из-за того, что это заставило бы нас стать правдивыми, стать честными, не скрывать от самих себя и от стареющего или умирающего человека, что смерть постепенно приоткрывает дверь, что эта дверь однажды широко раскрывается, и любимый должен будет войти в нее, даже не оглянувшись.

Каждый раз, когда перед нами встает медленно надвигающаяся утрата близкого человека, очень важно с самого начала смотреть ей в лицо, — и делать это совершенно спокойно, как мы смотрим в лицо человеку, пока он жив и среди нас. Ведь мысли о грядущей смерти противостоят реальности живого присутствия. Мы всегда можем полагаться на это несомненное присутствие и вместе с тем все яснее

видеть все стороны идущей на нас потери. Вот это равновесие между убедительностью реальности и хрупкостью мысли и позволяет нам готовить самих себя к смерти людей, которые нам дороги.

Жизнь вечная. Разумеется, такая подготовка, как я уже сказал, влечет за собой отношение к смерти, которое признает, с одной стороны, ее ужас, горе утраты, но вместе с тем сознает, что смерть — дверь, открывающаяся в вечную жизнь. И очень важно снять преграды, не дать страху возвести стену между нами и умирающим. Иначе он осужден на одиночество, оставленность, ему приходится бороться со смертью и всем, что она для него представляет, без всякой поддержки и понимания; эта стена не позволяет и нам сделать все, что мы могли бы сделать, с тем, чтобы не осталось никакой горечи, никакого самоукорения, никакого отчаяния. Нельзя с легкостью сказать человеку: «Знаешь, ты же скоро умрешь...» Для того, чтобы быть в состоянии встретить смерть, надо знать, что ты укоренен в вечности, не только теоретически знать, но опытно быть уверенным, что есть вечная жизнь. Поэтому часто, когда видны первые признаки приближающейся смерти, надо вдумчиво, упорно работать на то, чтобы помочь человеку, который должен войти в ее тайну, открыть, что такое вечная жизнь, в какой мере он уже обладает этой вечной жизнью и насколько уверенность в том, что он обладает вечной жизнью, сводит на нет страх смерти, — не горе разлуки, не горечь о том, что смерть существует, а именно страх. И некоторым людям можно сказать: «Смерть при дверях; пойдем вместе до ее порога; будем вместе возрастать в этот опыт умирания. И войдем вместе в ту меру приобщенности вечности, которая доступна каждому из нас».

Материал подготовил

Юрий Тихобаев

В смешном и добром детском мультсериале «Смешарики» один из героев – поэтичный и несколько рассеянный Бараш, ежедневно находит повод для трагического в жизни. Наступает осень – ах, это же конец лета! Сломалась любимая скамейка – о, я больше никогда не смогу написать стихи, это было можно делать только на этой скамейке под деревом! Нюша не захотела пойти гулять – да, жизнь кончена! И так далее. Дети и родители смеются над героем. Они же понимают, что на самом деле ничего трагичного в жизни поэта Бараша не произошло, это просто мелкие неприятности. Смешно и глупо делать из них трагедию. Но вот мультфильм окончен. Мама идёт на кухню и обнаруживает разбитой любимую вазу. Или чашку. Или гору невымытой посуды в раковине, которую дети торжественно обещали перемыть ещё до мультика. Какой кошмар, ужас, никто обо мне не думает, жизнь ужасна. Словом, настоящая трагедия. Как у Бараша.

МАЛЕНЬКИЕ ТРАГЕДИИ

Слово «трагедия» используется в нашей жизни часто. И в основном не по назначению. Трагедией именуется и мелкие неудачи, и крупные неприятности, и просто хандра или плохое настроение. Примеров масса. Опоздал на поезд, простыл или набрал лишний вес, начальник сделал выговор, любимое платье порвалось, ребёнок принёс «двойку», бантики из моды вышли. Смысловое значение слова затёрлось от частого бездумного употребления. Что же такое трагедия? Это событие, которое делит жизнь на «до» и «после». После остаётся глу-

бокий след, зачастую на всю жизнь. Согласитесь, «бантики» едва ли могут быть таким событием. И можно было бы просто отмахнуться от таких незначительных переживаний, посоветовав человеку не заниматься ерундой. Но дело в том, что такой трагичный подход к действительности стал моделью поведения для многих людей, в том числе и моделью внутрисемейных отношений. Ожидание трагедии каждый миг жизни, вернее, восприятие обычных, в общем-то, событий трагически иссушает душу человека, делает её невосприимчивой к подлинной беде,

особенно чужой. А это уже может породить и подлинные трагедии.

Часто родители начинают трагически воспринимать любые неудачи своих детей. Вернее, речь идёт о том, что дети не оправдывают родительских надежд. Не получается из сына математика или спортсмена, не оценил учитель гениального рисунка дочери, не желает чадо заниматься скрипкой или шахматами или просто не слушается родителей так, как бы им хотелось – и всё, разыгрываются нешуточные страсти. Начинает казаться, что жизнь прожита напрасно, раз из детей ничего

выдающегося не получается. Тем более, что все вокруг рассказывают, как их ребёнок замечательно выступил на конкурсе или получил медаль. А мой-то — ничего... Это кажется смешным — если музыкального слуха у ребёнка явно нет — зачем делать из него пианиста? Но попробуйте сказать об этом маме, которая уже видит своего мальчика за роялем. Даже если родители никак не обнаруживают своих переживаний, ребёнок все равно ощущает их. А зачастую родители, наоборот, погружают «неудачное» чадо в своё ощущение трагичности произошедшего. Как, тебе уже 12, а из тебя ещё ничего хорошего, выдающегося не вышло? Да это катастрофа!

Ещё хуже, когда таким же образом родители, едва воцерковившись, начинают прививать благочестие детям, опять же сравнивая их с идеальной, часто вовсе вымышленной книжной моделью. На молитве не стоит, как свечка, в храме не поклонился, как должно, псалмы читать не любит, в среду молока выпил — да из него никогда не получится добрый христианин, как бы хотелось папе с мамой. И трагедия, уже нешуточная, может развернуться в жизни конкретного ребёнка. Родительская обида, пусть и скрытая, разрушительна. Она может давить на плечи уже давно выросших детей всю жизнь и заставлять оправдываться, доказывать — я хороший, я могу сделать нечто выдающееся, только чтоб родители не обижались. Мечется такой взрослый ребёнок по жизни, утверждаясь, хватается за разные занятия, часто прямо противоположные тому, чего от него хотели любящие родители. И вновь ничего не выходит, потому что доминирует мысль — у меня ничего не получится. Усвоенный образ жизни, как единственно возможный, передаётся дальше, и уже от собственных детей они ждут реализации надежд своих родителей. Пусть я бездарь, ничего у меня не вышло, но вы-то должны, наконец, оправдать высокие ожидания. Итогом, апофеозом такой деятельности служит горькая мысль — да мы все в роду такие, несчастные. И ничего не получится. Так на месте неправильных понятий вырастает мрачное дерево настоящей трагедии. Мой сын или моя дочь не хотят быть такими, как я хочу — корень этого дерева.

Трагедии в семейной жизни — это вообще неисчерпаемая тема. Трагедии, подобные тем, что описал Шекспир, всё же редкость. А маленькие трагедии — это каждый день. Утром не улыбнулся муж или жена не подала тарелку — уже начало трагедии, иногда с далеко идущими выводами: наверное, любовь кончилась. Ссора, вспыхнувшая на ровном месте — тоже трагедия. К вечеру страсти могут остыть, придёт понимание, что и сам был не прав, и вспылал напрасно. Ссоры, обычные семейные ссоры из-за ерунды, пустяка... Но, пережитые человеком, как трагедии, то есть как разрыв, конец, они исподволь приучают к этой мысли. Да, можно прожить так с одним человеком всю жизнь, ежедневно разыгрывая Шекспира для себя, а то и для него. Только тогда не стоит удивляться, что вместо любви семья, особенно когда вырастают дети, наполняет пустота и одиночество. Душа, не один раз пережившая трагедию разрыва, даже мысленно, становится, как у Есенина «немного омертвелой». Подходит старость и горькая обида на жизнь вместо мудрости и душевной тишины. И это уже настоящая трагедия.

Кроме семьи, у каждого есть ещё работа. Есть начальник, сослуживцы, подчиненные и целый клубок различных лично-производственных отношений. Есть амбиции и их оценка — наша и окружающих. Мой проект лучше, а выбрали опять другой. Наверное, это интриги. Может, целый заговор? Меня не ценят, не любят коллеги, начальство. Даже вот вахтёр косо посмотрел. Не хочу больше на эту работу, всё плохо! Трагедия — не лежит душа к работе, устал, «выгорел», как это сейчас называется. Бывает и по-другому: человек решает, что занят не своим делом. Нет у него горящих глаз, постоянной радости от дела, которым занимается. Я не на своём месте, как же с этим жить! Такая ситуация воспринимается как трагичная в силу определённой общественной установки — важно реализовать свои способности и таланты, найти своё место. Если не получилось (неважно, на самом деле или субъективно) — это трагедия неудавшейся жизни. Но разве может жизнь укладываться в схему —

удалась-не удалась, да ещё на том основании, что работа не нравится?

После работы, когда переделаны домашние дела, разобраны уроки и дом затих, можно отдохнуть. Например, у телевизора. А там очередной сериал. Эта продукция, наводнившая наши экраны, тоже вносит свой негативный вклад в формирование трагического мышления. Бесконечные переживания разных семейных драм, сдобренных криминалом, когда подлинная трагедия — смерть человека, не считается чем-то особенным, а страдания какой-нибудь Марианны, напротив, верхом трагедии, буквально выворачивают сознание. А ещё поток новостей, которые содержат массу информации о катастрофах и смертях, и просто перестают восприниматься сознанием как трагедии. Конечно, информация — это важно. Только должна ли она вызывать столь безнадёжное ощущение общей катастрофы? Правда, в нашей воле выключить телевизор или Интернет.

Что ещё? Ещё каждый человек сам в себе способен создать трагедию, да такую, которая не оставляет выхода. Стоит вспомнить себя в подростковом возрасте, когда нервы обнажены и весь мир меряется по максимуму. Взрослым свойственно с усмешкой говорить о подростковых трагедиях из-за прыщика на лбу, немодной одежды или ссоры с одноклассниками. Но тогда, когда тебе только 13-15, и за плечами нет реальной жизни, эти переживания заполняют всё существо. И больно по-настоящему. Человек растёт, приобретает жизненный опыт, научается отличать пустяк от важного. Так должно быть в идеале, но бывает не всегда. Случается, и нередко, что взрослый человек продолжает играть по законам трагического жанра, упорно исполняя «песнь козла» — так буквально переводится трагедия с древнегреческого. Достаточно любого повода — от пятна на платке до сюжета теленовостей. Постепенно игра, выражение сильных эмоций, которых на самом деле человек не испытывает, становится уже привычным стилем жизни. Маска срывается с живым лицом. Когда переживание выливается в бурные эмоции с заламыванием рук и восклицаниями, обычно говорят,

что это истероидный характер, дефект личностного развития. А если это не проявляется внешне никак, то всё в порядке? Нет, потому что человек эмоционально истощается и наносит колоссальный вред своей душе. Затягивающая чернота трагичного восприятия жизни может привести и к ужасным последствиям самоубийства.

Можно возразить — эти страсти удел людей, далёких от Церкви. Это всё от мирской суеты. Так ли? Человек может годами исповедоваться, ходить в храм, но не замечать, что, по сути, он живёт в театре своих эмоций и переживаний, и, значит, он не освобождается от власти греха, поскольку для этого необходимо трезвение. Опытный священник может рассказать немало таких историй.

Получается, что трагедия, как стиль жизни, свойственна большому числу людей, только не все это могут осознать. Почему? Ведь трагедия — это ужасное, непреодолимое и непоправимое событие, безысходное положение, могущее привести к гибели. В нём нет ничего хорошего или желанного. Но люди стремятся переживать малозначительные события так, как будто это конец, крушение. Не берусь проанализировать весь комплекс причин, но всё же попробуем выделить нечто общее.

Первое, что лежит на поверхности: жертву трагедии обычно жалуют и стараются помочь. То есть, проявляют явным образом любовь и сострадание к человеку. Тогда это

сигнал о помощи, крик — не хватает любви. В самом простом её выражении. Чуть больше заботы, чуть меньше небрежности в повседневных отношениях помогут избежать тяжелых изнуряющих переживаний. Увы, любовью современный мир небогат. Любовь перестала числиться в главных добродетелях и необходимых условиях для человеческой жизни. На первое место вышли успешность и деловитость. А это ещё один источник «маленьких трагедий». Если ты недотягиваешь до параметров «успешности» — то ты неудачник. А как до них дотянуться, если по разным причинам не получается дорогую машину или шикарный дом, или за границу каждый год, или ещё что-нибудь. Всегда же найдётся тот, кто успешнее или умнее, или талантливее. Вторая причина тоже обозначилась довольно ясно — зависть. Люди не любят признаваться в этом грехе, стараются часто как-то завуалировать, представить чем-то другим. Но суть от этого не меняется. Разрушительный по силе воздействия на душу грех подпитывается ещё и трагичными страданиями. Последствия могут быть поистине разрушительными. Трагедия из маленькой перерастает в большую.

Но, допустим, я не завидую, живу себе сам, и вроде бы люблю своих ближних. И вот мой сын отказался пойти в поход, который я для него так заботливо придумал. Или муж не считает, что необходимо срочно переклеить обои. Или подруга говорит, что эта книга, фильм, платье не

так хороши. Как! Со мной не согласились, моё мнение оказалось неважным? Да как это можно?! Вот она, трагедия! Не по-моему. И мир рухнул. Отказаться от своей воли ради другого человека бывает непереносимо. Ещё более сложно бывает принять и смириться перед Божией волей. Казалось бы, воля Творца не может быть принята нами иначе, чем со смирением. Так мы любим говорить. Но на деле как раз смирение — самая редкая добродетель современного человека. Мы сами знаем, как лучше; хотим, чтобы по-нашему. А если по-другому — то это крушение, катастрофа, трагедия. Но тогда всерьёз заявлять о своей вере во Христа нам, пожалуй, преждевременно. Почему святые не воспринимали жизнь как череду больших и малых трагедий, несмотря на внешнюю тяжесть обстоятельств? Потому что святость — это принятие воли Божией полностью. Тогда жизнь, даже тяжёлая внешне, наполняется невыразимой постоянной радостью. К чему мы и призваны, если идём за Христом.

Человек верующий тем и отличается, что для него воля Божия важнее, чем своя воля. И если одно приходит в конфликт с другим, он приносит в жертву свою волю, свои представления, свои удобства, свой душевный комфорт, свои мечты и планы. В итоге мы получаем больше, чем отдали: Я пришел, — говорит Христос, — чтобы имели жизнь, и имели с избытком (Ин. 10, 10).

Елена Чернакова.

В настоящее время Афон – главный центр и оплот восточно-христианского монашества. Интерес к нему высок, и не только у православных, но и у людей, имеющих помимо материальных и духовные интересы, пытающихся разобраться в себе, понять смысл жизни. Многие после посещения Афона под впечатлением от увиденного меняют свою жизнь. Афон – это уникальная попытка жить по Евангелию, здесь можно не только поклониться Святыням и чудотворным иконам, но и познакомиться с современными подвижниками и старцами, получить от них духовную помощь. Всему христианскому миру известно, что Святая Афонская Гора находится под особым покровительством Пресвятой Богородицы Марии.

ГРЕЦИЯ

Путевые заметки. Часть 2

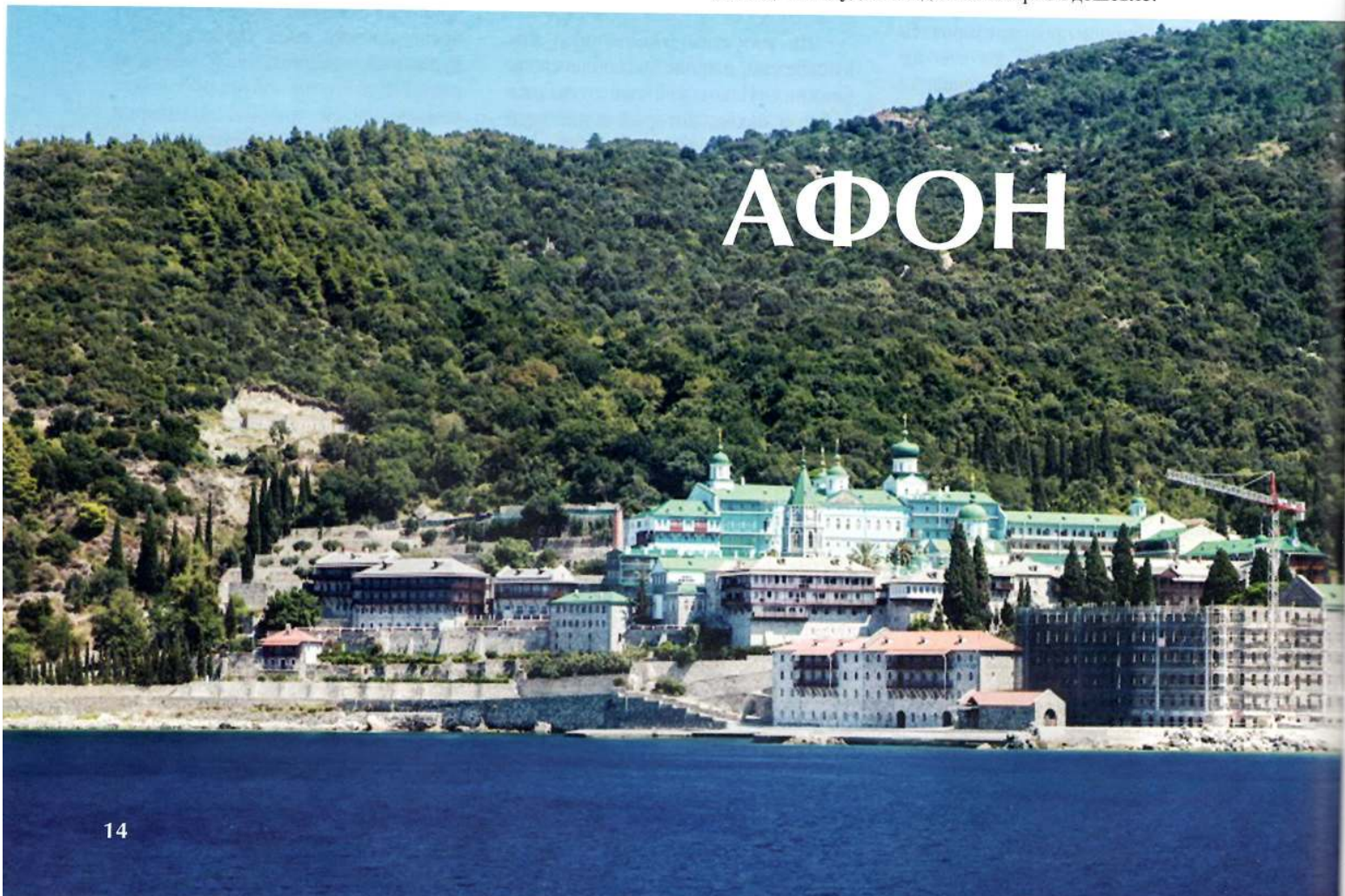
Поездка на Афон не должна стать туристической, к ней нужно подготовиться, почитать книги о Святой горе, взять благословение у духовника. Литературы об Афоне много, есть информация и в интернете, могу порекомендовать путеводитель по Греции монахини Нектарии "Евлогите".

Для того, чтобы попасть на Афон нужно получить специальное разрешение - диамонитирион. В первые дни нашего пребывания в Греции мы спланировали поездку в Салоники (у нас была арендована машина). Именно там заказывают диамонитирион. Салоники - город старый, улицы очень тесные, машину припарковать в центре города в будний день практически невозможно. Периодически попадаются вывески Parking, но парковок в том виде, в каком мы их привыкли видеть, нет. Лишь приглядевшись мы поняли, что нужно "нырять" во внутренний дворик. Вообще лучше ехать в Салоники в субботу, многие греки уезжают на выходные отдыхать, город пустеет.

Паломнический офис Святой Горы находится на одной из крупнейших улиц Салоник - Игнатиа, 109. Он

работает в будни до 14.00, в субботу - до 12.00. Это красивое двухэтажное здание, сбоку есть дверь - Pilgrims' Bureau (паломническое бюро). Говорят в бюро по-гречески и по-английски. Много слов там не надо, но если вы покажетесь подозрительными или вызовете неприязнь (что, я думаю, бывает редко), вам могут задать вопросы. Мы заходили туда всей семьей и к нам вопросов не было, наоборот, встретили нас очень приветливо. В бюро спросили, какой монастырь мы хотим посетить (мы собирались на Афон со старшим сыном, жена с дочерью и младшими сыновьями оставались в Никити - женщинам на Афон нельзя). Конечно, мы хотели в русский Свято-Пантелеимонов монастырь, тем более впереди был праздник Пантелеимона Целителя (9 августа). В отличие от остальной Греции Афон живет по Юлианскому календарю и православные праздники там совпадают по датам с российскими. На эти дни нам и дали диамонитирион. Вернее, записали наши данные, сам диамонитирион получают и оплачивают в Уранополисе перед отплытием на Афон. Сына переспросили - student? Оказалось, что студентам диамонитирион дешевле.

АФОН

До Уранополиса мы решили ехать на машине и, там оставить ее на стоянке, т.к. автобусы из Никити, где мы остановились, ходят плохо и нет гарантии, что автобус вообще будет. 9 августа рано утром мы выехали из Никити. В Уранополисе нам нужно было взять до отплытия корабля заказанный диамонитирион. Контора Графио Проскинитон находится на спуске к морю. Сам диамонитирион стоит 25 евро. Он дает право на пребывание на Афоне в течение 4-х дней, у вас будет гарантированный ночлег и трапеза. Кстати, если заказывать поездку на Афон в туристических фирмах, стоит это будет как минимум раз в 6 дороже.

Итак, мы купили билеты и сели на паром до Дафни - главной пристани Святой Горы. Паром небольшой, трехпалубный. Людей было много, плыли сербы, русские, украинцы, греки. Среди пассажиров было много монахов и священников (для них на пароме отдельная каюта), плыли школьники и студенты. Считается, что детей до 12 лет не пускают на Афон, но в монастыре я видел довольно много детей младшего возраста с родителями.

До Свято-Пантелеимоновой обители плыли около 1,5 часов. Делали порядка 6 остановок в различных монастырях. Паром идет очень близко к берегу, что позволяет любоваться красотой природы горы Афон.

Вот и наша остановка. Причалили и вместе с группой направились по дороге в монастырь. Нас ввели в большой зал (архондарик) и гостиничный (архондарис) с помощниками начали быстро сортировать прибывших на праздник. Нам предложили по традиции свежую воду и рахат лукум. Нас расселили в большом четырехэтажном корпусе для паломников. Здание было построено в 19 веке, об этом свидетельствовали выбитые на этажах годы постройки. На каждом этаже - душ, туалет и питьевая вода. Нас разместили в больших комнатах человек на 20, дали постельное белье.

До начала службы нас сводили в костницу. Возле кладбища находится здание, в котором хранятся кости ранее усопших монахов и насельников. На стеллажах до потолка разложены бедренные кости и черепа. На многих черепах указаны даты смерти, имя, на некоторых - профессия. Запомнился череп, на котором было написано: губернатор Харьковской губернии, умер в 1913 г. На некоторых написано просто: доктор, столяр, монах.

Земли на Афоне очень мало, поэтому могилы долбят в камне, сверху засыпают малым количеством земли. Через 3 года останки выкапываются и внимательно смотрятся их состояние. Если мягкие ткани тела еще не истлели, могилу снова зарывают и усиливают молитву об усопшем. В этом отличие от России (и не только), где более угодившими Богу считаются те, у кого мощи остались нетленными. На Афоне принято считать, что черепа праведников имеют красивый желтоватый оттенок, у безгрешных и поэтому спасенных монахов — черепа белого цвета, темный же цвет свидетельствует о непреодоленных мытарствах, которые проходит грешная душа покойного. Но такое на Афоне случается крайне редко. В этом случае братия начинает молиться за такого монаха еще более усердно. Запомнились проникновенные строки, начертанные на видном месте в усыпальнице: «Мы были такими, как вы. Вы будете такими, как мы».

До революции монахов в русском монастыре было до 1,5 тыс. Большие и величественные соборы и здания и сейчас говорят об этом. Архитектурный облик русской Свято-Пантелеимоновой обители сильно отличается от

традиционных для Афона греческих монастырей; сыграло в этом свою роль и то, что отстраивалась она в XIX веке, когда уже не нужно было возводить крепостных укреплений для защиты от пиратских набегов. Внутреннее устройство монастырских храмов также очень напоминает о России; только, пожалуй, трапезная и храм вмч. Пантелеимона отделаны в обычном для Святой Горы стиле. В обители хранятся: главы вмч. Пантелеимона и прп. Силуана Афонского, частицы мощей Пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна, апостолов Петра, Андрея, Матфея, Варфоломея, Фомы, Варнавы, первомч. архидиак. Стефана, свт. Василия Великого, Григория Богослова, Григория Паламы, Иоанна Златоуста и других святых.

На пристани - большой склад, раньше

Мельница св. Силуана Афонского

это были мастерские. Рядом с монастырем находится большая, старая, ныне не действующая водяная мельница, она использовалась до середины 20 века. На мельнице выбит год 1894. На ней долгое время нес послушание великий православный русский святой Силуан Афонский. Святой Силуан особо почитается на Святой Горе.

Земли на Афоне мало, поэтому заниматься земледелием сложно. Говорят, что в давние времена в русский Пантелеимонов монастырь из России морем завозили чернозем, чтобы монахи все-таки могли развести какие-то огороды. Крыши на Афоне любят крыть плоским сланцем.

Несмотря на то, что Афоне гористая местность, здесь очень пышная растительность и передвижение вне тропинок и дорог невозможно и опасно. И об этом предупреждают. Русский иеромонах рассказывал нам, что два американца, будучи на Афоне, проигнорировали предупреждения и решили сократить дорогу - пошли напрямик через кусты. Они сорвались со склона и катились метров 300 до самого берега по колючим кустам, один из них настолько пострадал, что изорвал абсолютно всю бывшую на нем одежду вместе с документами. Все остальное время, пока ему восстанавливали документы, он лечился в монастырской больнице.

Праздничная служба началась в 20.00 по Афонскому времени. Надо указать, что время афонское отличается от времени греческого (разница составляет летом 3 часа, зимой - 6 часов). На тот момент оно соответствовало Новосибирскому. Ночь была светлая, сын отметил, как живописно смотрятся купола русского храма на фоне афонских пальм. Всё в монастыре сделано очень красиво, с любовью. Перед храмом - большой фонтан, в нем - золотые рыбки, они очень привлекали к себе маленьких детей.

Во время службы я отметил для себя, что многие из гостей люди не посторонние, часто бывающие в монастыре. Службы длинные, размеренные. Мы попали на Престольный праздник, поэтому служба была особенно красивая, она длилась с 20.00 вечера до 8.30 утра. Пели и на греческом, и на русском языках. Это традиция в русском монастыре. В храме нет электрического света (как и во всех храмах Афона), только свечи. С непривычки - ночи жаркие, в храме тоже было жарко. Никаких

кондиционеров там тоже нет. Паломников на празднике было более 300. Красивая служба с пением двух хоров, при зажженных свечах, невзирая на про-должительность, оставила сильное впечатление.

После службы всем раздали подарки - икону св. Пантелеимона с частицей оливы и буклет. Всех пригласили в трапезную на праздничный обед. Еда в монастыре вкусная, был суп с рыбой, к нему отдельно лимон, много овощей, зелени, фруктов, много морепродуктов, азу из осьминогов. Практически все продукты местные, с земель монастыря. Вся трапеза сопровождается постоянными молитвами до, во время и по окончании. Посуда простая, но видно, что старинная. Само помещение трапезной сделано с размахом, оно красиво расписано и богато оформлено. Трапезная вмещает в себя до 800 человек.

Монахи и гости живо интересовались друг другом. Видно было, что многие из гостей не раз бывали здесь. Было много англоязычных, это особенно было заметно на трапезе.

Как миг пронеслось время, проведенное на Афоне. Образ жизни на Святой Горе не подчинён мирским законам. Это особенно чувствуется при возвращении. На Афоне молитва происходит всегда. А в миру ты себя отрываешь от повседневной суеты. Да, у нас есть возможность ходить в храм, но порой так сложно оторваться от мирских проблем и окунуться в молитву. Афон - это уникальная возможность прикоснуться к Небу уже здесь, на земле.

Дмитрий Лютин

СЛАВА БОГУ ЗА ВСЕ

В Библии есть книга, которая полностью посвящена проблеме страданий. Это книга Иова. Она одна из сложнейших для понимания нашим человеческим разумением, её толкования разнообразны, иногда прямо противоположны. Но это — истинное слово Божие. О чём она говорит нам сейчас?

Был муж праведен, причем его праведность была редкостной, истинной и глубокой. Он не только не нарушил ни единой заповеди, но и любил Бога всею душой, был милостив и добр. Он был счастлив по всем земным меркам: имел семь сыновей и трёх дочерей, огромные стада и прочие богатства, был уважаем согражданами. В ветхозаветном обществе человек, столь щедро наделённый дарами, был явно отмечен Богом в глазах всех людей. В один день Иов лишился всего: богатства, любимых детей, уважения соплеменников, а потом ещё и заболел ужасной болезнью. На все несчастья Иов отвечает — всё, что послано от Бога, должно принимать с терпением.

Мы видим жалкую и унылую картину: больной, отвергаемый всеми, даже собственной любимой женой, в лохмотьях сидит Иов в пыли и скребком расчесывает свои жуткие раны. Не упорствуй в своей праведности, ты, которого Бог явно отверг, похули Бога и умри — так говорит ему жена. С сожалением взглянув на жену, он сказал ей: «Зачем ты говоришь так, как одна из безумных жен? Если доброе мы принимали от Бога, то неужели злого мы нестерпим, — не будем принимать!»

И в этот раз Иов не согрешил пред Богом — уста его не произнесли ничего хульного на Бога (Иов.2:7-10). Но есть же ещё друзья! Они, прослышав о горе, постигшем Иова, пришли, чтобы утешить его. Увидев, в каком жалком виде пребывает их недавно ещё столь благополучный друг, они разодрали одежды свои и впали в глубокую скорбь о нём. Семь дней и семь ночей провели они потом, сидя на земле насупротив своего друга и не промолвив ни

одного слова, ибо видели они, что страдание его весьма велико и не находили средств утешить его в таком состоянии (Иов.2:11-13). Томительное молчание это было прервано самим Иовом. Он начал с того, что проклял день своего рождения и выразил глубокую скорбь о том, зачем ему дано было увидеть свет, который теперь покрыт для него мраком? Зачем дана ему жизнь, когда она для него является безотрадным мучением? Ты имеешь тайный грех — уверенно сказали ему друзья. Ибо никто из праведных не может страдать безвинно. Значит, ты великий грешник.

Праведный Иов, как мы помним, не соглашается с тем, что он страдает за какой-то свой грех. Но друзья ему постоянно говорят: «Ты страдаешь, значит, ты согрешил». И тогда Иов говорит немислимые по дерзости слова: «Пусть Бог мне ответит, за что я страдаю. Я чист перед Богом». И Бог ему открывается и говорит: «Перепопаясь как муж», — то есть приготовься к поединку, если ты считаешь себя равным Мне. И дальше Иову в этом поединке Бог задает несколько вопросов, суть которых сводится к одному: «Ты говоришь, что в мире многое плохо. Но ты можешь создать хотя бы такой же мир? Не лучше, хотя бы такой же?» — «Нет», — отвечает Иов. — «Но если нет, то о чем ты тогда говоришь?» Если Иов говорит, что мир плох, то, значит, он знает, как сделать его лучше, а если не знает и тем более не может, то должен жить в том, который создал Бог. И когда Иов понимает и соглашается, принимает мир таким, каков он есть, то есть понимает, что критерий добра и зла в мире не он, Иов, а Бог, то тогда все возвращается в прежнее состояние. Мир, сотворенный Богом как совершенное, лишённое зла и любой неправды творение, был бесконечно искажен в кривом зеркале первородного греха. Тогда в него вошло зло, страдание, это уже состояние падшего мира, подвергшегося пагубной человеческой страсти. И мы должны принимать

мир таким, каков он есть, благодарить Бога за всё, что Он сотворил и сделал для нашего спасения.

Это услышал и понял Иов в ответе Бога человеку. Это примирило его с Богом. И всё вернулось, вернулось даже вдвое. И богатство, и дома, и стада. И вновь родились дети. И умер Иов в глубокой старости, насыщенный днями, увидев правнуков своих. Так, вкратце, можно изложить эту историю. А что мы можем почерпнуть из неё? О чём эта книга? О безграничном терпении, о вошедших в поговорки страданиях без вины или о чем-то другом? Начнём с того, что литературный приём «безвинный страдалец» довольно часто использовался в произведениях тех древних времён. Как хорошо теперь известно, в древнем Вавилоне существовало немало произведений, которые объединяются общим условным названием «молитвы страдальцев», или «сетования несчастных». В интересной книге Самюэля Крамера «История начинается в Шумере» есть переложение, перевод и комментарии к одному из древнейших текстов на эту тему.

Создатель Книги Иова — это неведомый нам человек, священный писатель, имени которого мы не знаем, и эпохи, когда он жил, тоже не знаем. Есть версии, что часть книги была написана самим Иовом, часть появилась позднее, во времена Соломона. Но понятно, что проблемы страдания человека, нравственные проблемы, проблема человека перед лицом Бога и вечности — это глубокая древность. Как сочетать тайну Промысла со страданиями мира — тема не сегодняшнего дня. И было бы верхом наивности и глупости считать, что только наше жестокое время так беспощадно к человеку. И что Бог ушёл от нас. Даже если рассматривать вопрос с этой точки зрения — почему в мире, который создал Всеблагий и Всемиловитый Господь, так много зла и страдания, легко заметить, что нам-то до Иова очень и очень далеко.

В начале повествования об Иове

и потом, когда он спорит со своими друзьями, не раз подчеркивается его глубокая праведность. Она базируется не на исполнении обрядов, хотя и эта часть присутствует, нет, Иов подобен ветхозаветным праведникам, об этом говорит сам Господь: « Ибо нет такого, как он, на земле: человек непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла» (Иов.1:8). Показательно, каких детей вырастил праведник: взрослые дети не только тесно дружат между собой, но каждый день по очереди пируют друг у друга, все семеро сыновей и дочерей зовут на свои пиры. А как общаются между собой наши дети, которых далеко не семеро: сначала соперничают за первенство в семье маленькими, по-

том бесконечно ссорятся взрослыми. Или вовсе годами не встречаются друг с другом. Господь виноват? Или всё же мы, родители? Сначала мы не родили семерых сыновей и трёх дочерей. Мы легко и просто отказались от Божьего благословения — именно так понимается чадородие в Ветхом Завете, как самый большой дар от Бога человеку. Часть наших деток были убиты просто и незаметно. С нашего добровольного согласия. Часть разными нечистыми хитрыми путями не были даже зачаты. А те немногие, которым всё же удалось появиться на свет, уже щедро наделены нами грехами и пороками. И мы потом смеем жаловаться и роптать, что наши дети не-

послушны, растут не так, как должно, что вместо радости доставляют нам страдания, что они подвержены грехам и болезням? Иов приносил еженедельные жертвы очищения за своих детей, чтобы очистить их возможные невольные грехи, а мы покупаем чаду дорогие и ненужные игрушки, но боимся перегрузить его лишней службой, дополнительной молитвой, и сами не молимся о своих детях. То же можно сказать и о других наших добродетелях — у нас их нет! Мы ушли от Бога так далеко, что не можем потребовать у Него ответа. А Иов мог!

Иов страдает и ждёт утешения. Его друзья сначала молчат. Это главное, что человек может иногда принести своему другу, находяще-

муся в таком глубоком страдании, — просто страдать с ним молча. Они хорошие, добрые, глубокие люди. Их тактичность, деликатность поражают. Потом Иов отверзает свои уста и начинает говорить: «Проклят день, когда я родился!» Он не сетует на то, что лишился всего имения и даже детей. Он говорит совсем о другом. Это голос отчаяния, голос человека, который пережил катастрофу. Весь мир, устроенный разумно и правильно, рухнул. Иов по-настоящему верит в Бога, доверяет Ему. Но здесь его доверие начинает колебаться. Вовсе не потому, что на него, невинного человека, случайно свалились жизненные бедствия, нет, ему страшно — а не является ли Бог просто равнодушной природой и Ему нет дела до жалкой человеческой песчинки?

Если это так, то все рушится, и тогда сама жизнь лишена смысла. Вот несколько строк из 14-й главы: «Человек, рожденный женой, скуден днями, но скорбью богат; он выходит и никнет, как цветок, ускользает, как тень, и не устоит... Да, для дерева надежда есть, что оно, и срубленное, оживет и побеги станет пускать вновь... А человек умирает — и его нет; отходит — и где его искать? Если воды в озере пропадут, иссякнет и высохнут ручьи; так человек — ложится и не встанет вновь, не проснется до скончания небес, не воспрянет от своего сна» (Иов.14: 1–2, 7–8, 10–12). Это трагедия личности. После смерти — пустота. Это тот путь, который проходит человек без Бога. Но Иов не может жить без Бога! Ему не нужна такая жизнь!

А его друзья обращаются к нему с увещаниями. Один говорит: быть может, ты согрешил в чем-то? Покайся. Он говорит: нет, я не виновен перед Богом. Другой говорит, что все равно человек перед Богом грешен. И каждый из них излагает свою теорию богооправдания. Это мудрые люди, которые излагают традиционный религиозный взгляд на вещи. Они говорят, что трудности — это Божье возмездие для укрепления души — и это верно.

Но Иову не нужны теории. И он восстаёт на Бога, требуя Его к ответу! Невероятная, неслыханная дерзость. И Бог пришёл к Иову. Он

одобрил не друзей, которые Его защищали, не богословов, а человека, который как бы нагим стоял перед Ним. У него ничего не было из того, что делает человека значительным в глазах людей. Но Богу-то это не нужно. Он видит нас такими, какие мы есть. У Иова было главное — желание найти Бога и глубоко понять Его. Вот почему он кричал перед Ним, почему он требовал, почему он вызывал Бога на суд! Потому что он не принимал веру как какую-то игру, как обряд. Нет, вера — это всё в жизни человека. А без Бога жить просто нечем. Бог не нуждается в оправдании! Он сам приходит, и тогда все решается.

«И отвечал Иов Господу и сказал:

- Знаю, что Ты все можешь и что намерение Твое неизменно.

- Кто сей, помрачающий провидение, ничего не разумея?

- Это я, говоривший о том, чего не понимал, - о чудных для меня делах, которых я не знал. Я слышал о Тебе прежде только краем уха своего, теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прах и пепел; я ничтожен и что я буду отвечать Тебе? - Полагаю руку мою на уста мои» (Иов.38 - 40). Господь принял Иова, принял жертву, принесенную им, и отверг жертву его умных и правильных друзей-богословов. Конец истории подобен сказке — добро побеждает, праведник вознаграждается вдвое за свою верность Богу.

Это ещё один из бесконечных смыслов Книги Иова — взросление человека, умение пользоваться той Богом дарованной свободой, которая была дана людям в момент творения. А мы, жалуясь и страдая, часто подобны нашим детям. Не трогай ножик, порежешься, а неразумный ребёнок хватается нож и наносит себе болезненную рану. Нож виноват? Или непослушание родителям? Так поступаем и мы, думая, что Божии заповеди — только бессмысленные запреты. А потом виним Бога в неблагости и жестокости. Мудрые друзья Иова тоже жили «по законам сказки» - если ты праведен, то награждён Богом, если грешник, то наказан Им. Так и должно было быть в библейской

книге. Но так бывает не всегда.

Страстотерпец царь Николай, родившийся 6 мая (по старому стилю) 1868 года в день памяти Иова Многострадального, хорошо знал историю древнего праведника. Знал, и не раз примерял её к своей судьбе. Очень много прозрачных параллелей можно провести в их жизнях. Россия времён Николая II — крепкая, могучая и стремительно развивающаяся богатая страна. Конечно, трудности имелись, но они преодолевались не хуже, чем это делалось в других европейских странах.

Он грешен — говорили о нём так же, как об Иове. На деле император следовал в своих поступках и делах интересам России, и как православный христианин считал себя рабом Божиим. А рабы Божии не могут являться рабами партий, экономических интересов, мнений и настроений. Царь, как и любой человек, ошибался и находил правильные решения, терпел поражения и добивался успеха, но никогда, подобно Иову, он не отрекался от Господа. Праведный Иов свободен, ибо он — раб Божий, но также свободен и Николай, он — раб Божий.

Он не уехал из России, хотя это было возможно - царь остался в России для того, чтобы до конца вместе со всеми пронести свой крест, исполнив волю Божию. Святой праведный Иов получил воздаяние, которое мог Господь ему дать по Ветхому Закону - умножилась жизнь его, и дети, и имяне. Государь Император Николай II, претерпев страдания, получил воздаяние в Царствии Небесном.

Но книга Иова — не только о страданиях, терпении скорбей и поиске Бога. Она — о благодарении Творца за всё. Благодарение — это то, что помогает выйти из своего эгоцентризма, и открывает наши души навстречу подлинной любви. Благодарение должно быть в центре жизни христианина. В благодарении мы учимся принимать себя, и всё, чем мы богаты, как дар Божий, дар — не за что-то, а «просто», по любви. И мы учимся любить Подарившего больше, чем сами подарки.

Всем известна поговорка - "жизнь прожить - не поле перейти". И действительно, нет на свете человека, который прошел бы свой путь без страданий и потерь. Пока наши дети маленькие, они находятся под крылом родителей, они защищены в семье, но придет день, и дети выпорхнут в жизнь. Будут ли они готовы к испытаниям, смогут ли не сломиться? Ведь каждый понесет свой крест. Как же подготовить их к этому, как смягчить удары жизни?

ДЕТИ И ЖИЗНЕННЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Современный мир все больше ориентирует человека на получение удовольствия, наслаждения, все громче лозунги - нужно получить от жизни все. Как веский аргумент звучит - живем один раз. В этом очень легко запутаться, тем более молодым. Задача родителей - объяснить, расставить все на свои места.

Человек учится всю жизнь, с самого момента рождения. Пусть он пока что не умеет не то что читать, но даже понимать слов. Он учится подражанием. Подражание родителям - первая форма обучения человека, поэтому каждый родитель должен задуматься, какой пример я подаю своим детям и есть ли во мне то, чему я хочу научить своих детей. Поэтому в первую очередь нужно самим разобраться во всем, научиться правильному отношению к скорбям.

Наше время не является временем великих духовных подвигов, какие были проявлены в древние времена. Нет у нас сил для такой высоты. Современный человек спасается терпением скорбей, страданиями. Когда человек живет в достатке, безопасности, наслаждении, он за-

частую и не вспоминает о Боге, о вечной жизни, о конечности бытия и только скорбь отрезвляет его, побуждает надеяться на Бога, слабеет самонадеянность, уменьшается самомнение. С ослаблением этих грехов начинает зарождаться в душе истинное смирение.

Слава Богу, многие дети сейчас не знают больших скорбей (отдельный разговор, конечно, это больные дети, дети-инвалиды, дети на вой-не). Но вспомните себя в детстве - скорби и страдания все-таки есть, хотя взрослым они кажутся незначительными и по большому счету таковыми и являются, но вот порой дети их пережить не могут, вплоть до того, что заканчивают свою жизнь самоубийством. Поэтому детей обязательно нужно готовить к переживанию скорбей, умению правильно выйти из этого состояния.

Нужно самим понять и объяснить детям, что скорби не являются чем-то лишним и неестественным, они имеют ключевое значение в самом главном — вечном спасении души.

Однажды на Святой Горе один старец сказал: " Знайте, что человек похож на хлеб. Если бы у хлеба был рот, то он, когда мы

бросаем его в раскаленную печь, бедняга, начал бы вопить: «На помощь! Вытащите меня отсюда! Я сгорю!» Но ты, зная, что ему, чтобы стать съедобным, надо хорошо пропечься, стать приятным на вкус, говоришь ему: «Нет!» И сидишь там час, сидишь и стережешь его, а он протестует, кричит: «На помощь, пожалейте меня! Я сгорел!»

Да и земля, если не будет вспахана, то не даст обильного плода.

Нужно ребенку объяснить, что из всех испытаний можно получить очень много пользы: увидеть тленность всего житейского, познать красоту собственной души, почувствовать силу своего сердца и понять, что через боль Бог делает тебя лучше, и в будущем тебя ждет большая радость. Но для того, чтобы получить эту радость, ты должен стать мудрее, научиться поступать правильнее. Ведь люди пострадавшие гораздо терпимее и добрее, они более чутко относятся к чужому горю. Детям нужно объяснить, в чем смысл страданий.

Второе - нужно научить ребенка правильно выходить из испытаний.

Следует научиться сокращать

время нашего горя, нашей скорби и печали. Поставили тебе несправедливую «двойку» на экзамене — ты, конечно, попереживаешь чуть-чуть, а потом продолжаешь спокойно заниматься. Так и в жизни: поплачь немного и продолжай жить с радостью. Ты огорчаешься, но пусть твое огорчение будет не долгим, а кратким.

Когда же не хватает силы терпеть, св. отцы рекомендуют нам различные способы для приобретения терпения в страданиях. Для этого надо вспомнить самые трудные и тяжкие минуты своей жизни и сравнить с ними тяжесть, которую переношишь. Также можно приводить себе на ум те сильные страдания и несчастья, которые терпят другие люди (например, в темницах, на одре неизлечимой и тяжелой болезни, в стихийных бедствиях и т. д.) и тогда свои личные страдания могут показаться незначительными.

Очень важный пункт — это воспитание терпения. Для этого есть масса возможностей. Возьмем хотя бы пост. Понятно, что пост у детей не такой строгий, как у взрослых, потому что они учатся и растут, но определенные ограничения должны быть. В пост мы жертвуем своими желаниями и удовольствиями и терпим некоторые лишения, причем осознанно, поэтому для воспитания терпения пост очень важен.

Когда родители в воскресный день ведут своих маленьких детишек не к самому Причастию, а пораньше, и детям приходится ждать, этим они тоже приучают детей терпеть. Ведь дети стоят на службе и по возрасту еще мало что понимают, но они, кроме того, что принимают участие в Литургии, учатся терпеть и ждать.

Или, к примеру, получил ребенок в школе несправедливую оценку. Всегда ли нужно идти разбираться к учителю? И нужно ли еще больше распалить ребенка, возмущаясь? Если это не вопиющий случай, то можно объяснить ребенку, что учитель тоже человек со своими горестями и проблемами и, возможно, у него что-то случилось.

Ситуаций, которые учат терпению в детстве множество. Нужно только правильно использовать их и объяснять.

Существует еще одна проблема

— умеют ли дети смиряться с обстоятельствами. Ведь если человек смиренный, то мир — состояние его души: плохо ему или хорошо, трудности у него или неудачи, — он все равно смиряется, он хранит мир с Богом. При этом он может быть очень активным и ярким.

Старец Паисий Афонский пишет, что в любой ситуации можно найти что-то хорошее. Допустим, едет человек на машине, она начинает барахлить. И он опаздывает. Если у человека есть смирение, он скажет: видимо Бог притормозил меня неслучайно, кто знает, может, я бы попал в аварию. Если у нас есть упование на Бога, мы бы понимали, что любая не зависящая от нас задержка для чего-то нужна. И спокойно бы к ней отнеслись. Попали в пробку, застряли в метро — ну что ж просто надо потерпеть. С нами ничего случайного не происходит.

Я очень рекомендую почитать книгу Элинор Портер «Полианна». Она поучительна не только для детей, но и для взрослых. Я с удовольствием читала ее своим детям. Полианна — девочка, которая рано осталась сиротой, и понятно, что скорбей в ее жизни было предостаточно. Когда-то отец (он был пастором) научил ее играть в игру — находить в жизни во всем радость, видеть во всем хорошее. И вот Полианна учит всех окружающих игре «в радость». К примеру, она посещает больную миссис Сноу. Своей болезнью, жалобами, ворчанием она просто замучила всех вокруг. Миссис Сноу жалуется девочке, что она промучилась всю ночь — не могла уснуть. На что Полианна ей говорит: «Как же я вам завидую! Мне всегда очень жалко тратить время на сон. И вам тоже жалко, миссис Сноу? Ведь вместо того, чтобы спать, можно просто жить. Мне так жалко, что ночь пропадает зря». И вот эта девочка научила всех, кто встретился ей на пути, не только по-другому посмотреть на свои несчастья, но и творить добрые дела.

А еще смирение — принятие себя таким, какой ты есть, ведь обыкновенно человек хочет выглядеть в глазах других людей лучше, чем есть на самом деле. Примером терпеливого перенесения скорбей был преподобный Моисей, о котором вспоминали следующее:

«Одну из главнейших причин всегда мирного устройства отца архимандрита Моисея и вместе с тем одну из отличительнейших и замечательнейших черт его составляло то, что он никогда не желал настойчиво, чтобы исполнялась его воля, но, напротив, с совершенною покорностью и в малом, и в великом предавался воле Божией. Как и что ни случись, никогда он ничем не возмущался».

Преподобный Антоний Великий пишет, что для того, чтобы достичь смирения, нужно обращать внимание как на внутреннее, так и на внешнее. «Будь во всем смирен: в осанке, в одежде, в сидении, в стоянии, в походке...» И на это нужно обращать внимание при воспитании детей.

Кстати, с маленькими детьми очень полезно вместе играть в настольные игры. Вы замечали, что они не умеют проигрывать? С помощью игр можно учить их смиряться с обстоятельствами в самом раннем возрасте.

Все ищут покоя и радости, но мало кто знает, что они достигаются послушанием. Без послушания даже от подвигов рождается тщеславие. О том, что добродетель послушания дает мир душе, пишет так прп. Варсонофий Великий: «Возложи на Бога всякий помысел, говоря — Бог знает полезное, — и успокоившись, и малопомалу получишь силу терпеть». Здесь вспомним очень известную русскую поговорку: все что ни делается — все к лучшему.

При этом Оптинские старцы указывали: «Во внешнем (житейских делах) надо проявлять полное повиновение, без рассуждения, т. е. исполнять, что скажут».

А еще нужно научиться прощать, потому что когда прощаешь, становится легче жить.

Сложная это наука — научиться терпеть, прощать, смиряться, каяться. Мы учим этому детей, дети учат нас. Мы в одной лодке. В своей книге «Под кровом Всевышнего» Наталья Соколова писала, что когда-то мама ей говорила — «не надо смотреть на волны житейского бурного моря, надо с верою взирать на Христа, тогда пойдешь по волнам, как апостол Петр».

Юлия Лютина.

Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное (Мф. 19. 14).

РАССКАЗЫ СТАРОГО КОЛОКОЛА

Мироносицы

Бежит по весеннему лесу светлый говорливый ручеёк. Бежит, торопится в большую реку попасть. И всем говорит своим весёлым журчанием – весна пришла! Светлый апрель, Пасха! Наши звонкие колокольчики бегут вдоль ручья, провожают маленький кораблик. Вот он скрылся за поворотом. Счастливого плавания!

- Динь, пойдём к дедушке, - зовёт сестру Дон.

- Пойдём, - радостно соглашается Динь, - новую историю услышим.

Дедушка ждал внучат. На столе – кулич, свежий чай. Колокольчики рассказали, как хорошо в весеннем лесу, как радуется Пасхе каждое творение Божие.

- Пасха – всем новая жизнь. А вы знаете, кто первым принёс людям Пасхальную весть?

- Наверное, апостолы, – сказал Дон, - они же всегда были со Христом.

- Так, да не совсем, - говорит дедушка, - вот, послушайте.

Последние звёзды бледнели в небе над Иерусалимом. Стояла особая предрассветная тишина. Казалось, весь мир затих, замер. Только возле бедных домов городской окраины уже раздавались первые робкие утренние звуки. Скрипнула калитка, послышались осторожные шаги, с тихим журчанием вода полилась в глиняную миску. Возле большого стола под навесом стояла девочка. Она складывала овощи в миску.

- Вот уже звёзды гаснут, - тихо и грустно проговорила она, - скоро настанет новый день. Придут люди, будут есть, пить, что-то рассказывать, даже смеяться. Как

будто все уже забыли о Нём! Как будто ничего не случилось...И солнце встаёт по-прежнему, и деревья покрываются цветами, как и положено весной. Но как же жить теперь, как жить с этой невыносимой болью!?

Из дома торопливо вышла женщина, закутанная в тёмное покрывало.

- Ты уже за работой, Фамарь? Умница. Скоро придут с полей пастухи. Им надо поесть. Домывай скорее овощи, а я пойду разводить огонь.

Она внимательно взглянула на девочку, подошла поближе и обняла её.

- Ты опять плачешь. Мы все горюем. Нет больше Учителя. Но мы живы, милая. И должны заботиться о других.

Девочка опустила голову. Слёзы капали из её глаз прямо в миску. Наверное, маме не так горько, как ей. Она раздувает огонь, ставит большой котёл, делает всё быстро и ловко. Только почему-то часто поправляет покрывало. Девочка ещё раз взглянула на мать. Да она же вытирает слёзы, чтобы никто не заметил их! Ей стало стыдно. Мама хлопчет, не покладая рук, чтоб хоть немного облегчить боль от страшной утраты. Тихо скрипнула калитка. Фамарь вскинула голову. Это Мария из

Магдалы. А в руках у неё узорчатый кувшин.

- Сегодня третий день, как Учитель умер, - сказала она тихо, подходя к женщине у очага, - Мария, ты помнишь, что Он говорил?

- В третий день воскресну, - быстро сказала она, оторвав взгляд от огня.

Фамарь жадно слушала их. День третий! Как же она могла забыть? Видно, от горя у неё помутился разум. Между тем, во двор тихими тенями скользнули ещё две женщины. Это ещё одна Мария и Марфа, её сестра. И у них в руках тоже тяжёлые узорчатые кувшины.

- Суббота покоя закончилась, сёстры, - сказала Марфа, опуская на стол свой кувшин.

- Мы хотим пойти ко гробу, чтобы достойно завершить обряд погребения, - произнесла Мария, поставив свой кувшин рядом с сосудом сестры.

Ещё три женщины быстро и бесшумно вошли в ограду. Фамарь взглядела в лица, полускрытые покрывалами. Это Иоанна, Клеопа и Сусанна. Уже два года все женщины, и её мать, и она с ними, ходили вслед за Учителем и теми, кого Он называл апостолами. Они делали простую женскую работу. Готовили еду, пекли хлеб, стирали, поддерживали нехитрый уют в их временных пристанищах во время странствий. И ещё слушали Учителя, жадно ловя каждое слово, пересказывая Его слова тем, кто был занят на ежедневных трудах. Они были рядом, когда Он проповедовал, шли за Ним, когда Он переходил от города к городу, от селения к селению. Фамарь вспомнила, как совсем недавно Учитель торжественно въезжал в Иерусалим. Толпа народа встречала Его у городских ворот. Среди них было много детей, таких, как она и даже совсем маленьких. Дети срезали разлапистые узорные листья пальмы и кидали под ноги ослёнку, на котором ехал Учитель. Все так радовались, пели, кричали: «Осанна Сыну Давидову!». В то день они ликовали – Спаситель признан всеми! Наверное, теперь их странствиям придёт конец. Люди будут слушать Его слова, слагать их в сердце и жить совсем по-другому. Они узнают, что такое настоящее счастье.

Вечером того дня к ним в этот дом пришли два пастуха. Один был совсем старым, с седой бородой и сгорбленными плечами, другой моложе. Они рассказали Марии, её матери, что много лет назад видели, как в пещере родился удивительный Младенец.

- Сегодня у городских ворот я узнал Его, - радостно говорил старик, - Он – Сын Божий.

- Больше тридцати лет прошло, как Ангелы возвестили нам радость о рождении Спасителя, - говорил его спутник, - и вот мы вновь встретили Его!

Пастухи не могли надолго оставить стада, но они приходили сюда каждый вечер и каждое утро и слушали Учителя и апостолов. Фамарь была счастлива. Ей не было нужно, как Иуде, постоянно находиться рядом с Учителем, чтобы все это видели. Она хлопотала по хозяйству, стараясь, чтобы у её мамы и других женщин

было поменьше работы, и в то же время жадно ловила каждое Его слово. Время от времени она видела Его взгляд, обращённый к ней, и душа наполнялась удивительным теплом. В одно утро Христос и все апостолы ушли. Сердце девочки билось тревожно. Они не вернулись вечером. На следующий день прибежал испуганный Иаков. Он сказал, что Христа арестовали ночью. Его поведут к Пилату. Он будет судить Учителя.

Фамарь зарыдала. Она проплакала весь день, и никто не мог её утешить. Несколько женщин ушли в город. Поздно вечером они вернулись со страшной вестью: Учитель был распят и умер! Свет померк. Но это была не ночь. Это была страшная тьма, тьма без Бога. Теперь ей хотелось только одного – увидеть Учителя ещё хоть раз! Мама говорила, что нужно смириться, потерпеть. Боль пройдёт – останется добрая память. Но слова не утешали, к тому же Фамарь видела, что и мама страдает так же, как и другие женщины.

Девочка прислушалась. Говорила Марфа:

- Ещё никто не воскресал из мертвых. Наш брат Лазарь был воскрешен Учителем.

- Но Учитель умер, - вздохнула её сестра Мария, - никто из людей не может совершить такое чудо.

- Надо пойти к пещере, - быстро сказала Иоанна. – может быть...

Она не закончила фразы и решительно взяла свой кувшин. Женщины пошли к воротам. Только её мать осталась во дворе. Мария Магдалина ласково взяла её за руку.

- Скоро рассвет. Мария, останься здесь с дочерью. Вы накормите пастухов и других, кто придёт сюда.

Она наклонилась к женщине и тихо добавила:

- У гроба грозные римские стражники. Это может быть опасно. Твоя дочь ещё совсем дитя. Побереги её.

Фамарь слышала всё, и её сердце сильно билось. Сегодня – день третий. Он не мог обмануть! Значит, ей надо подойти к пещере, где положили Его. Женщины ушли. Мария принесла ещё овощей и велела ей их вымыть хорошенько. Фамарь быстро принялась за работу. На горизонте показалась узкая полоса зари, когда во двор вошли пастухи. Старый пастух обратился к ней:

- Мы видели женщин. Они шли к погребальным пещерам и говорили о том, что нужно отвалить камень. Куда они пошли?

- Они пошли к месту, где погребли Учителя, - ответила девочка, - они хотят закончить обряд погребения, по обычаю умастить тело. А ещё...

Фамарь замолчала на мгновение, собираясь с духом, а потом быстро сказала:

- Мария из Магдалы думает, что Он воскрес! Как и обещал, в третий день.

Пастухи переглянулись, а затем тот, что был помоложе, воскликнул:

- Я говорил тебе, это правда. Идём, скорее.

Пастухи бросились бежать по дороге. Фамарь

поставила миску, оглянулась на дверь. Помедлив секунду, быстро пошла к воротам. Она не решалась идти по дороге, но пробиралась среди кустов, росших вокруг. Она быстро нагнала женщин с кувшинами. Первой шла Мария Магдалина. Клеопа и Сусанна чуть отстали. Они тихо говорили, что их могут не пустить к Учителю, а то и арестовать. Римские войны не знают жалости к ним, иудеям. Пастухи шли по другой стороне дороги. Девочка слышала, как старик говорил, что боится умереть, не увидев Господа больше, а второй пастух обещал защитить их от злых воинов, даже если придётся положить свою жизнь. Они пошли быстрее, чтобы оказаться у пещеры раньше женщин.

Дорога пошла в гору. Вот и пещера. Вот огромный серый камень. Он валялся далеко от входа, как будто его отбросила сильная рука великана. Девочка осторожно огляделась. Римских стражников, что были приставлены охранять гроб, не было. Были только женщины. Пастухов тоже не было видно. Небо было уже совсем светлым, но солнце ещё не встало. Откуда же лился свет? Из пещеры! Как будто внутри горел яркий костёр. Фамарь видела, как Мария Магдалина решительно зашла в пещеру. Она услышала голос, непохожий на человеческий: громкий и невыразимо прекрасный

одновременно:

- Что ищете живого с мертвыми?

Женщины были поражены так, что на несколько мгновений застыли неподвижно. А потом, бросив ненужные теперь кувшины, побежали по дороге.

- Он воскрес, воскрес, это правда, мы видели, - говорили они.

А в другую сторону уже бежали пастухи, восклицая радостно:

- Христос воскрес!

Фамарь подошла к пещере. Она увидела свернутые погребальные пелена. А где же Учитель? Неужели она не увидит Его? Лёгкий шум, как от крыльев ночной птицы, заставил её обернуться. Она тихо вскрикнула и протянула руки:

- Учитель! Я знала, что увижу тебя.

Он слегка улыбнулся, протянул руку и погладил девочку по голове.

- Я всегда буду с тобой. Иди к маме, она ждёт тебя.

Фамарь пустилась бежать по дороге. За её спиной всходило огромное яркое солнце, освещающая весь мир новым светом – светом Христова Воскресения.

Елена Чернакова

ДЕДУШКИН ЧЕРДАК

(продолжение)

Дедушка начал рассказ издалека.

- Старые дома – особенные. Они часто становятся похожими на людей, которые строили их когда-то или на тех, кто долго живёт в них. Стены, окна, крыши как будто перенимают людские характеры и привычки. Вот почему в один дом заходишь – и как будто сразу в тёплом, родном месте оказываешься, а в другом, даже нарядном, богатом – всё чужое и неудобное? Если в доме главного нет – не будут его стены родными.

- А что главное, дедуля? – спросила Настя, пододвигая к нему блюдечко с вареньем.

- Главное? Любовь должна быть. Дом строят для того, чтобы жить в нём счастливой семьёй, чтобы дети были, потом внуки, правнуки. И всех в этом доме ждали, всем были рады. Откуда бы человек не возвращался, что бы с ним не случилось – дом родной готов его принять. Вот вы знаете, сколько лет нашему дому?

- Нет, - качнул головой Минька, - много, лет пятьдесят, наверное?

- Сто семь лет нашему дому, - улыбнулся дед.

- Вот это да! – восхитился Минька, - да он древний!

Он уважительно посмотрел вокруг и даже потрогал белёную стену – крепкий!

- Крепкий, - согласился дедушка, - ваш прадед строил его и мечтал, что будут в нём жить его многие

потомки. Но вышло не так, как он задумал. У нашего дома оказалась тяжёлая судьба.

- Тоже как у людей? – спросила Настя почему-то шёпотом.

- Да, как и у людей в то смутное, тяжёлое время. Дед мой, Михаил Степанович, был не из этих мест. Не в нашей земле были его корни. Родом он был из крестьян. Все в семье были людьми честными, работающими. Его отец тяжёлым трудом нажил неплохое по тем временам состояние. Михаил был единственным сыном. Было у него ещё две сестры, старше его. Он родился поздно, когда уже и не ждали наследника родители. Был желанным, любимым. Отец мечтал сына выучить, чтоб он первым из их крестьянского рода стал образованным человеком. Михаил был очень способным к учению. Но в то время учить можно было только в городе. Пришлось родителям сменить привычный крестьянский уклад на жизнь городскую. Не хотели они отпускать от себя сына. Отец его и в городе дело нашёл – стал держать конный двор. Михаил гимназию с медалью окончил, первым учеником. И получил место в Московском университете как «юноша одарённый и весьма способный к естественным наукам и живописи» - так было написано в его характеристике.

В Москву старенькие уже родители отпустили Михаила одного. После уездного города жизнь в древ-

Автор: Павел Глуценко

ней столице показалась ему удивительной – шумной, пёстрой. Он стал студентом, окунулся было в водоворот студенческой жизни, но быстро понял, что блеск, шум, пустые дела ему неинтересны. Не за тем он приехал в Москву. Через год Михаил учился уже в двух местах – в университете и в Академии художеств. Он никак не мог решить, что в его жизни будет главным – агрономия, которую он изучал в университете, или живопись.

- Деда, а откуда ты так хорошо знаешь его жизнь? – спросила Настя, - он, наверно, тебе рассказывал, как ты сейчас рассказываешь нам?

- Нет. Я его даже не видел никогда. И долгое время не знал, что он – мой дед.

- Как это? – удивился Минька.

- Сейчас расскажу. Минь, заберись-ка ещё раз на чердак. Там, на самой верхней полке, лежит тетрадь и небольшая картина. Принеси их нам. Скамеечку только возьми, не достанешь.

Минька быстренько взобрался по крутой лесенке. Одному на чердаке показалось жутковато. Мужчина должен быть храбрым – напомнил он себе, приставил скамейку к шкафу и осторожно заглянул в деревянное нутро. Вот, в уголке, что-то лежит. И как они сразу не заметили! Большая тетрадь в твёрдом переплёте, похожая на книгу, а за ней картина, чуть больше тетради по размеру. Теперь бегом к деду и Насте из полутьмы и шорохов чердака. Похоже, ещё немало тайн он скрывает.

- Ух ты! – воскликнул Минька, - да это же настоящая старинная рукопись!

- Скорее, просто старая, - улыбнулся дед.

Брат и сестра раскрыли кожаный переплёт тетради. Нелинованные страницы были исписаны ровным чётким почерком, тем же, что и письма на чердаке. Слова, даже с непривычной буквой «ять», читались легко. Непоседливый Минька даже позавидовал прапрадеду – его, небось, не ругали за корявые буквы в школе.

- Тут чтения не на один день, - сказал дедушка, - хотите, я просто расскажу вам его историю дальше?

- Да! – в один голос воскликнули внуки.

- Дедуля, а почему ты говорил, что не сразу узнал, что он твой дед? – спросила Настя.

- Это тоже отдельная и трудная история. Давайте, сначала я об этом расскажу. Мой отец, ваш прадед, родился не в этом доме. На другом конце села, возле старого коровника, была маленькая избушка. Там и жил мой отец с людьми, которых считал своими родителями. В маленькой комнате умещалась немалая семья – две сестры и два брата. Пётр был младшим. Семья жила бедно. Не знали ребята конфет, и игрушек у них не было, только то, что сами придумают сделать. Так жили почти все вокруг. А работали много. Пётр лет с пяти уже

за гусями сам смотрел. Но в школу ходили все. Младшего брата жалели и старшие сёстры, и родители тоже. Старались угостить чем повкуснее, в обиду не давали. Только иногда он слышал непонятное – его мама, разговаривая с отцом, говорила о сиротке-младшеньком.

Отец мой научился читать ещё лет в шесть, до школы. Для вас – ничего особенного, а по тем временам – редкость. Его сёстры, да и брат, не слишком книжки любили, а Пётр учился легко. Как будто готовое вспоминал. Когда он семилетку окончил, то был уверен, что обязательно поедет учиться в город. Хотел агрономом стать. На выпускные экзамены в школу приехал какой-то человек. Выглядел он непривычно: весь в чёрной кожаной одежде. На улице жара, а он в этой шкуре. «Кожаный» посадил перед собой Петра и стал сам его спрашивать по всем предметам, да ещё и не так, как в школе учили, а посложнее, мудрёнее. Дед мой до старости вспоминал: «Смотрю на него – всё понимаю, знаю, как надо ответить, а язык как будто не слушается». Но всё же ответил, сдал экзамен. А вот в город поехать на учёбу ему не пришлось. Свидетельство об окончании семилетки ему директор школы показал, там только отличные оценки были. А не отдал. Сказал, что пока оно в школе постоит, другим в назидание. И в родном колхозе работа найдётся. Обидно было Петру, но спорить он не стал. Летом, в самую страду, сильно простудился его отец. Лечить тогда болезнь не умели, да и некому было лечить. Вечером как-то пришёл Петр после сенокоса, заглянул к больному, не надо ли чего. Отец попросил воды и сказал, что не может перед смертью не сказать ему правды. Он, Пётр – не сын им. Рассказал о родителях, сказал, где дом его родной – вот этот самый дом. Сказал и о том, где родители, если живы ещё – в далекой ссылке, в северном лагере. Его маленького совсем, шестимесячного, мама ночью принесла к ним, чтобы спасти, сохранить. Сказал, что его родители люди хорошие, добрые, страдают без вины.

К утру умер названный отец. Пётр никому не рассказывал о том разговоре. Только сходил посмотреть на свой родной дом. Большой, крепкий, видно, что с любовью построен был. И сад вокруг дома, и беседка в саду. Из ворот вышла женщина, глянула не приветливо. В руках у неё был свёрток. Она отошла к канаве, что была через дорогу и бросила туда свёрток. Пётр дождался, когда она ушла, и прыгнул вниз. В свёртке он нашёл вот эту тетрадь и картину. Смотрите!

Дедушка поставил картину на стол, прислонив к лампе. Минька и Настя увидели юную женщину в дымке голубоватого света, она стояла на мосту, чуть запрокинув голову. Вокруг цвёл какой-то сказочный сад. Женщина была похожа на ту, что была на портрете с прапрадедом.

- Так мой отец впервые увидел свою маму, - сказал дед.

- Вот это история! – воскликнула Настя, - как в

книжке!

- Ага, или в кино, - подтвердил Минька, который книжки не очень жаловал.

- Жизнь, мои дорогие, она причудливей любой выдумки будет, - усмехнулся в седую бороду дед.

- А дальше что было, деда? Дальше расскажи, - затеребила старика за рукав Настя.

- А дальше, мои дорогие, нам пора нашего красавца Крикуна и его семейство покормить, да сходить стадо встретить, да к тётке Дарье за молоком бежать, а то без ужина останемся.

Дело есть дело – этой премудрости ребята научились давно. Настя наливала курам воду, Минька насыпал зерна. Шумное куриное семейство, хлопая крыльями, поспешило к ужину. Петух Крикун, как генерал, вышагивал сзади, строгим клекотанием водворяя порядок. На краю села, с той стороны, куда уже клонилось малиновое закатное солнце, замычало на разные голоса стадо. Такое зрелище пропустить никак нельзя! Настя и Минька поспешили за ворота. По широкой сельской улице важно шли большие тёмные коровы, суетливо бежали овцы, весело, как будто не устали за длинный день на пастбище, прискакивали козы. Сбоку шли, быстро перебирая тонкими ногами, два ослика – эту экзотическую для русского села скотинку завёл местный художник. Дарёнка – самая красивая и большая корова в стаде, с красноватыми боками и красиво изогнутыми рогами, похожими на корону, завидев ребят, обрадовано замычала.

- Умница! Пошли к хозяйке, - ласково сказала ей Настя.

Тётка Дарья доводилась родной сестрой их деду, значит, им тоже бабушкой, хотя на бабушку ещё вовсе не похожа. Она моложе своего брата лет на пятнадцать, всегда весёлая, всем рада. Живёт она на другой улице, возле реки. Всё лето брат и сестра встречают стадо и отводят Дарёнку домой, чтобы немного помочь тётушке. Вот и сегодня она уже ждёт у невысоких ворот свою коровушку и помощников. Дарёнка получила кусок хлеба с солью – любимое коровье лакомство, а дети – по вкусной ватрушке. Ловко двигаются сильные руки тети Дарьи, корова изредка шумно вздыхает, поглядывая благодарно умными глазами, бежит молоко в блестящий поддоник.

- Тетя Даша, - Миньке не терпелось рассказать о событиях сегодняшнего дня, - а мы сегодня такое узнали! Сначала на чердаке нашли, а потом деда ещё рассказал. Про своего деда и про твоего, значит, тоже. Я даже не думал, что такая необычная история могла произойти в нашей семье.

Тётя Дарья посмотрела на взволнованных ребят, покачала головой.

- Рассказал, значит, братец вам нашу семейную

историю. Что ж, вы уже большие, должны сами во всё разобраться.

- Тётя Даша, а ты тоже знала и про тех Миню и Тасю, и про деда Петра? – спросила Настя.

- Знала, конечно. Так получилось, что даже раньше вашего деда узнала многое. Но расскажу потом. Сейчас несите деду молоко, ещё творог свежий. Как с делами управлюсь, так зайду к вам.

Миньку и Настю просто раздирало любопытство. Но с тёткой Дарьей не поспоришь – характер у неё твёрдый. Не зря много лет в школе проработала. Ребята быстро пошли к дому деда.

- Минь, как ты думаешь, дед Петр родителей своих нашёл? – спросила Настя брата.

- Конечно, нашёл, - уверенно сказал Минька, - иначе бы как наш деда обо всё узнал и в родной дом вернулся. Пойдём скорее, чтобы успеть ужин приготовить.

Продолжение следует.

Елена Чернакова

ПРО ДЕДУШКУ БОРЮ, ВНУКА ВАНЮ, ГОЛУБЯ И ЁЖИКА

Сказка

Однажды дедушка Боря и мальчик Ваня вышли на прогулку. Светило доброе солнышко. Оно отражалось в лужах, поэтому Ване казалось, что в них тоже отдельные солнышки.

- Дедушка, а солнышки не утонут? – спрашивал он.

- Не утонут, - отвечал дедушка, - солнышки – лучшие пловцы.

Большой голубь подлетел к луже, попил водички и немного солнышка тоже отпил. Солнышко засмеялось. Голубь радостно хлопал крыльями и полетел дальше.

- Дедушка, а у голубя есть друзья? – спросил Ваня.

- Конечно, есть. Разве можно без друзей, - уверенно ответил дедушка.

- А его друзья – птицы? Или облака? Они же тоже летают.

- А вот и нет. Его лучший друг – ёжик.

- Не может быть! – Ваня даже лопатку и ведёрко из рук выпустил.

- А вот и может. Он мне сам рассказал. Послушай, что я услышал недавно от серого ёжика из маленького лесочка за домом.

Ёжик проснулся ранней весной. Ещё не растаял снег, он лежал серыми холодными кучами. Ёжику было холодно от их дыхания, но спать уже не хотелось. Прямо как тебе по утрам. Светило солнышко, и ёжику было весело. Но вдруг тёмная туча приползла из-за дальнего леса. Она закрыла небо. Подул холодный ветер. Ёжику захотелось найти себе норку и спрятаться в неё. Но норки поблизости не было. Надо было найти укрытие или построить его. Ёжик немного покопал землю, но она плохо поддавалась. Может, гнездо построить, подумал ёжик. Как у вороны, только на земле. Ёжики летать не умеют. Он начал проворно собирать веточки, листья и укладывать их в крохотную ямку под корнями большого куста.

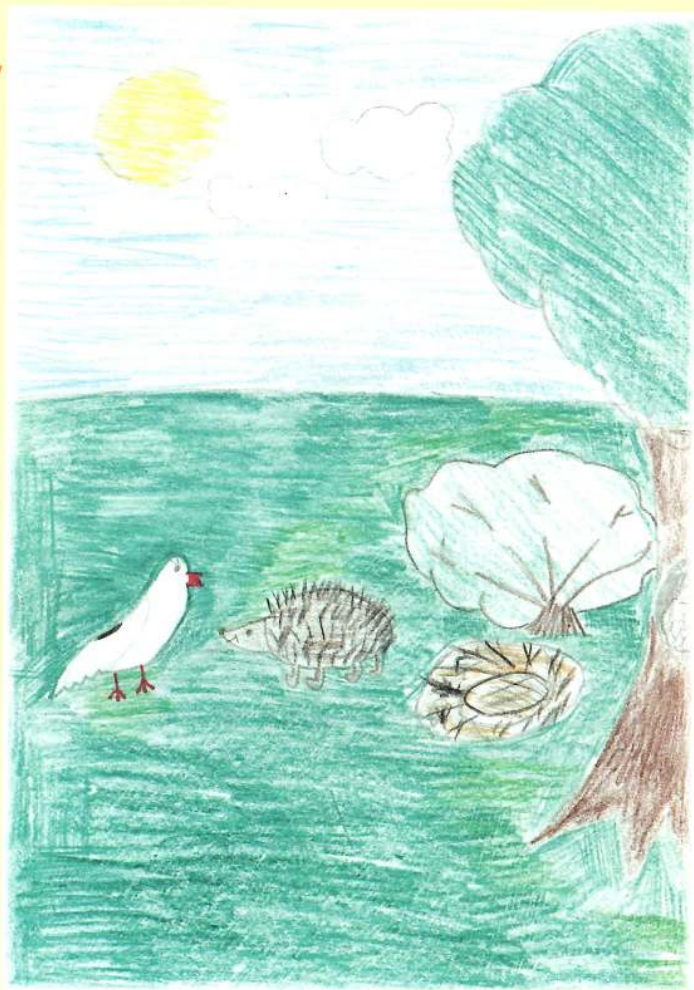
- Разве ты – голубь? - вдруг кто-то спросил его.

Ёжик повернулся и увидел птицу. Красивую, белую с черным пятнышком на спине.

- Нет, - сказал он, - это ты голубь. А я – ёж. Просто я рано проснулся. Земля ещё не оттаяла. А мне нужен дом.

- Мне тоже нужен дом, - сказал голубь, - давай мы построим его вместе.

- Давай, - обрадовался ёжик, - вдвоём веселее. А почему ты не хочешь жить на дереве или на крыше, как все птицы?

- Я летать не могу, - вздохнул голубь, - крыло повредил.

- Ты не бойся, - сказал ёжик, я тебя в обиду не дам. Любому врагу мои колючки не по зубам!

Ёжик лапками копает, голубь клювом стучит – вот и побольше ямка стала. Уложили они в неё веток, листьев – получился удобный дом. Когда солнышко совсем зашло, голубь уснул. Не могут голуби летать, когда солнце спит. А ёжик стал охранять его сон. Ёжику ночь не помеха. Он отогнал злую кошку, да так, что она больше даже не пробовала подходить к их гнезду. Утром голубь немного помахал крыльями.

- Может быть, твоё крыло можно вылечить, - сказал ёжик, - давай попробуем делать зарядку. От зарядки ты станешь сильнее, и крыло окрепнет.

Каждое утро ёжик и голубь упражнялись. Сначала они маршировали вокруг их куста, а потом голубь изо всех сил махал крыльями. И однажды он взлетел на нижнюю ветку! А потом – ещё на одну, и ещё! А однажды замахал крыльями и поднялся прямо в весеннее небо! И ёжик остался в гнезде один. Но он не огорчился. Главное, друг теперь здоров.

Ёжик так и остался жить под кустом. Куст расцвёл и оказался душистой сиренью. А голубь прилетает к нему в гости. И никакие кошки им не страшны.

Елена Чернакова

КРЕСТОСЛОВИЦА

Хорошо ли вы знаете Библию? Попробуйте разгадать кросстословицу о Ноевом ковчеге, а папы и мамы помогут вам в этом увлекательном и полезном занятии.

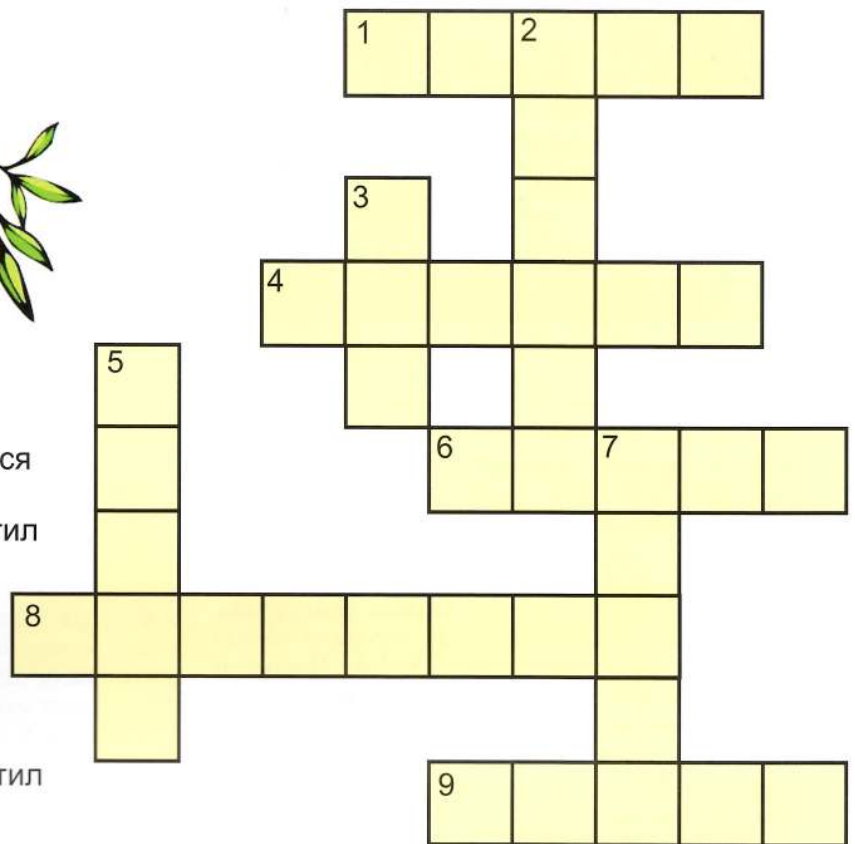

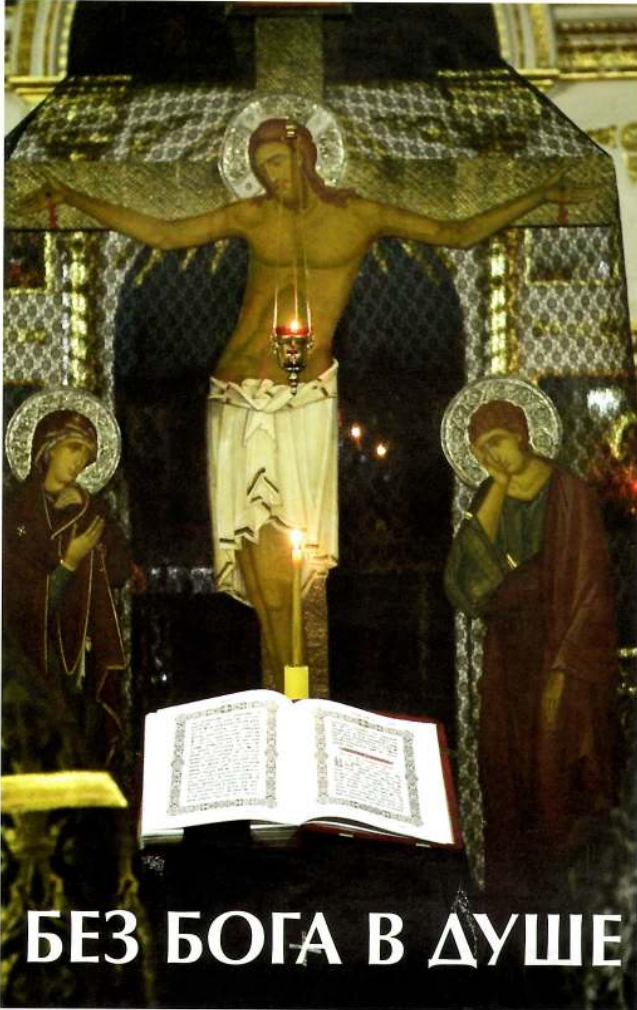
По горизонтали:

1. Сколько дней и ночей изливался дождь на землю? (Быт.7,4).
4. Вторая птица, которую выпустил Ной из ковчега. (Быт.8,8).
6. Заповедь Господа о будущем сохранении земли от потопа. (Быт.6,18).
8. Сколько лет было Ною, когда случился потоп? (Быт.7,6).
9. Первая птица, которую выпустил Ной из ковчега. (Быт.8,7).

По вертикали:

2. Что появляется на небе, как знамение Господа, что "не будет уже потопа на опустошение земли"? (Быт.9,11-17).
3. Кто построил ковчег? (Быт.6,13-14).
5. Имя одного из сыновей Ноя? (Быт.7,13).
7. Что навел Господь на землю для прекращения потопа? (Быт.8,1).

БЕЗ БОГА В ДУШЕ

«Бог у меня в душе» - как часто эту фразу произносят люди. Неплохие, в общем-то, люди. Они обычно очень заняты: работа, учёба, семья, карьера, творчество, дети, дом, дача... Они торопливо проходят мимо храма — Бог же в душе! Они что-то слышали о Христе, Евангелии, святых. Они смутно ощущают, что должно быть что-то большое, значимое, что наполнило бы их жизнь настоящим смыслом. Иногда, выползая из самых потаённых уголков души, к ним приходит тягостная пустота. Они торопятся её заполнить бурной деятельностью, любой. Играми в глубокие чувства, работой с головой, спортом, коллекционированием бабочек, в общем, неважно чем. Главное, чтобы эта пустота опять спряталась, хотя бы на время. Потому что если она не уходит, жизнь превращается в ад.

«Бог у меня в душе» - привычной мантрой повторяют люди. Это одна из самых бессмысленных фраз, за которой — пустота. Как я им завидую иногда. Потому что чувствую — из моей души Бог ушёл. Не знаю, как и когда это произошло. Но точно знаю, почему. Потому что вся моя жизнь подобна словам злого разбойника. Это тяжело и страшно осознавать — но всей своей жизнью я предаю Бога. Каждый день, каждый миг жизни наполнен большими и маленькими предательствами осуждения, пренебрежения, нелюбви. Моя душа наполняется тьмой. Поэтому из неё уходит Свет, а тьма становится непроглядной.

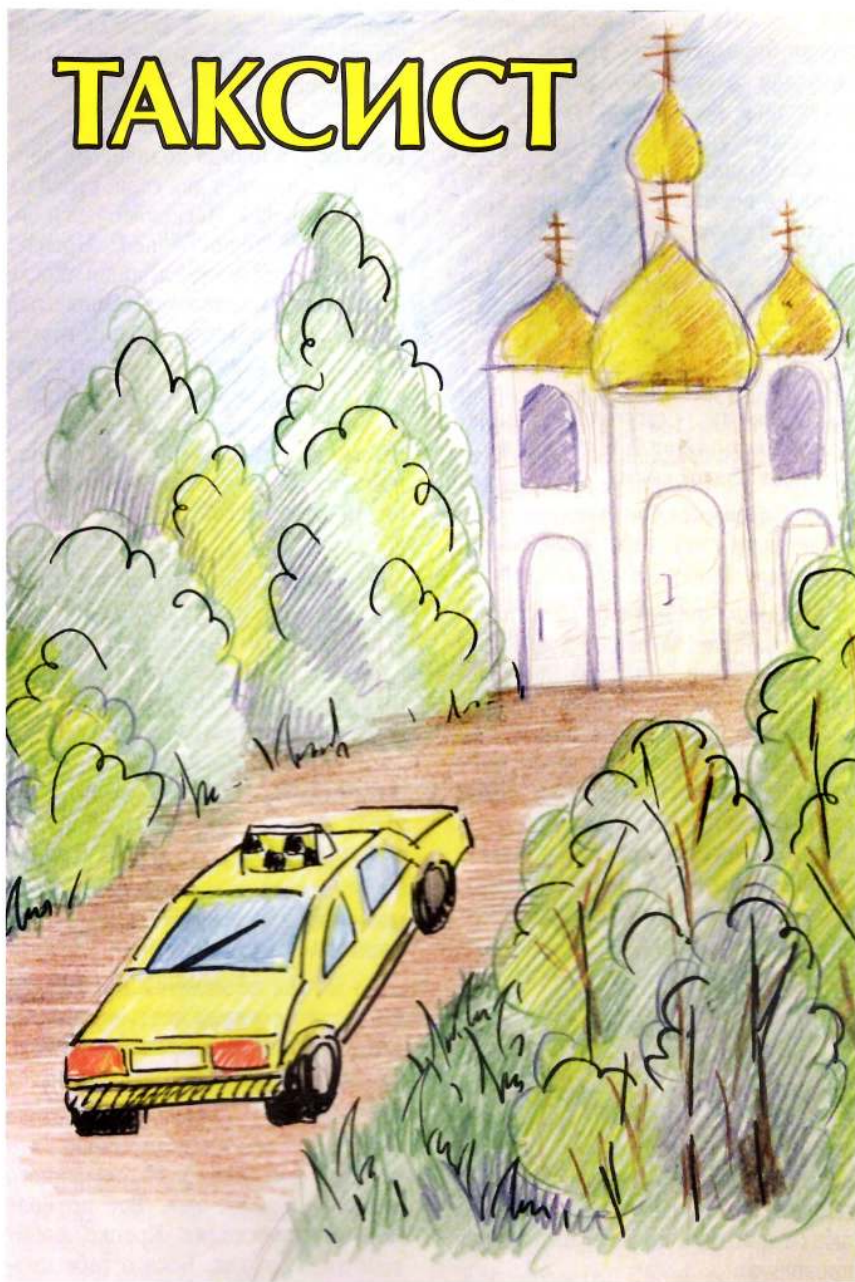
Нет, внешне всё в моей жизни благопристойно и правильно. И храм по воскресеньям, и правило утрен-

нее и вечернее (второпях). И Евангелие иногда читаю, и святых отцов, и благочестивые разговоры веду, и даже размышляю о Боге. Исповедь, причастие — всё как надо. В храме мысли упорно уходят в сторону. И не то, чтобы не хотелось идти на службу, нет, без этого действия и воскресный день не в радость. Но как-то всё это напоминает клуб по интересам, а не Дом Божий. Тут добрые хорошие люди, единомышленники, друзья, знакомые наизусть слова и действия, красота. Вычитывая правила, можно, оказывается, механически повторять знакомые фразы, обдумывая при этом житейские дела или продолжать мысленный спор с коллегой. Правда, когда что-то случается — болезнь, житейские проблемы, молитва становится глубже, искреннее. «Дай, помоги...» - прошу и требую у Бога, как будто Он — неотложная помощь. Прошло, отлегло, разрешилось — и опять возвращается в сердце привычная теплохладность. Исповедь, на которой я старательно перечисляю грехи, и попутно себя оправдываю — ничего же особенного я не сделал. А то, что из души ушёл Бог, потому что я сам ушёл от Него, как неразумный блудный сын — это остаётся несказанным. Потому что если это так, если у меня хватит мужества в этом признаться, то надо менять всю жизнь.

Но как это сделать, если и сам не понимаешь, что же нужно менять? Почему молитва не идет дальше шевеления губами по привычным словам, почему лишь изредка, подобно всполохам, сердца касается благодать в храме, доме Божиим? Как вернуть, взрастить любовь и вырвать из сердца прочно укоренившуюся злобу? Нет ответа. Кажется, что Бог ушёл навсегда, что Он не слышит тебя и даже совсем забыл о тебе. Хуже всего, что в теории ты всё знаешь: и о молитве, и о труде, и о милостыне, что покрывает многие грехи и недостатки добродетели. Но нет сил исполнять мудрые советы старцев — так они кажутся далеки от твоей жизни. Чёрная пустота заполняет душу. Странно, как это пустота может заполнить? Однако, это именно так. Может, попробовать жить как все? Бог — в душе, а остальное неважно. Но нету его в твоей душе! И жизнь, даже самая благополучная, теряет всякий смысл. День за днём, молитва за молитвой, воскресенье за воскресеньем я продолжаю звать Его. Так, наверно, потерявшийся детёныш ищет мать. Он знает, что пропадёт один в страшном мире. Я тоже знаю, что без Бога нет жизни. Только бы хватило сил и решимости искать, звать, желать, как самого большого дара. И однажды наступает время, когда в душу как будто нисходит мир. Удивительно, но это никак не зависит ни от каких внешних факторов. Кажется, что я не стал ни добрее, ни лучше. Нет, я остаюсь всё тем же грешником. Но Бог услышал меня, как отец не может не услышать сына, как мать не может не поспешить навстречу неразумному детёнышу. Мир и покой воцаряются, даже посреди житейских неурядиц. И тогда вдруг вся жизнь наполняется смыслом и радостью. Жаль только, что знаю — не смогу я долго беречь эту радость. И однажды в душу вновь заглянет мрачная гостья. Я буду бороться с ней и гнать её, буду звать терпеливо — Господи, для чего Ты оставил меня! Господь услышит. Только бы я не ушел от Него так далеко, что не смогу услышать Его милосердный призыв.

ВРЕМЕНА ГОДА. ВЕСНА

ТАКСИСТ

Весна в этом году выдалась странной. По крайней мере, так считала Надюша. Утром, провозжая Саньку на работу, она опять сказала:

- Странная нынче весна. Неровная. С одной стороны снег лежит, а с другой почки распускаются.

Ещё она сказала, чтоб сегодня он обязательно не забыл заехать домой не на полчаса, а на час, чтобы помочь ей довести до церкви тяжёлую корзину.

- Освятить надо, - озабоченно сказала он, - чтоб по-людски было.

Праздник же. Приедешь утречком, а на столе яички, куличик. Пасха же! Жалко, что ты не смог подмениться на ночь. На Крестный ход бы сходили. Красиво!

Санёк с Надюшей не спорил. Освятить так освятить, раз ей так хочется. Сам-то он особого смысла в этом не видел. Итак праздник, хотя и не совсем понятный, если честно. Красиво, правда. Его Надюша мастерица по кулинарной части. И те же куличи у неё отменно вкусные, и красивые очень. У бабули когда-то такие же были. Давно это было, как будто в другой жизни. Санёк лихо

закрутил баранку и вылетел из узкого двора на солнце. Весна! Вон как по лужам зайчики скачут. Он сверил маршрут. Заказов сегодня с утра уже много. Это хорошо, будет заработок. Так, сейчас на Цветную, забрать семейство до вокзала, потом на площадь Труда — это рядом, оттуда в пригород, а там диспетчер Светка обещала ещё клиента подобрать. Светка хорошая, невредная, всегда старается, чтобы удобная смена была, особенно если на сутки выходишь. Хороший диспетчер — и заработок хороший.

Такси лихо мчалось по улицам, ловя весеннее солнце на зеркала. Город, хорошо знакомый опытному таксисту, менялся, преображаясь, на глазах. Ещё вчера у забора возле новой станции метро лежал ноздреватый тёмный сугроб, а сегодня на месте сугроба только лужа. Вербь вдоль дороги машут мохнатыми почками, будто тоже радуются. И Санёк с ними радуется — весна! Не будет больше затяжных метелей, когда не разберёшь и знакомой дороги, сугробов, которые возникают внезапно и в самых неожиданных местах. И пассажиры весной тоже теплеют. В пригороде он удачно подхватил заказ прямо в центр. Как раз к обеду успеет домой. Пассажир казался хмурым, но первое впечатление обмануло.

- Иван Степанович, - представился он, садясь на переднее сиденье, и широко улыбнулся. Добрые морщинки возле глаз удивительно преобразили лицо.

- К дочке еду, - сказал он приветливо.

Санёк узнал за неблизкий путь, что у дочки восемь детей, что муж у неё священник в храме Иверской иконы Божией Матери, возле университета, что она и муж закончили одну школу и один факультет в этом же университете, что трудов у зятя-батюшки очень много, и он, как дедушка, старается им помогать.

- Мне не в тягость, - говорил старик, - Верочка-то у нас одна была. Когда моя Люба умерла, затосковал я сильно. А зять, Алексей, он тогда только стал священником, очень меня поддержал. Прямо насильно к жизни вернул, как сын за мной ходил, хотя и своих забот полно. Теперь вот научился я молиться. И кажется, будто моя Любаша слы-

шит меня и ей хорошо. Сегодня со своими в храм пойдём на ночную службу. Верить ли, и самые малые не спят, радуются. И я вместе с ними.

Санёк помог пассажиру разгрузить его многочисленные подарки внукам и долго потом оглядывался, неспешно выезжая со двора, на радостного деда, которого облепила ребятня.

«Хорошие, видно, люди. А мы с Надюшей вдвоём... Третий год уже живём. Намекнуть ей бы как-нибудь. Сынка бы и дочку. Здорово, когда дети есть. Сына к машинам бы приучал, чтоб умел не хуже папки водить. И чтоб учился хорошо. Я-то не очень с этим делом, а сыну надо, обязательно! А дочка, чтоб как Надюша моя была. Хлопотливая по хозяйству, добрая, но самостоятельная». За этими мыслями не заметил, как к дому подъехал. Обед! Сейчас Надюша уже на стол накрыла и на часы посматривает.

Санёк привык есть быстро. Хотя за таким борщом, как у его жены, не грех и подольше посидеть. Но некогда, тем более, что обещал ещё и Надюшу свозить.

- Тут недалеко, - сказала она, осторожно примостив на колени большую корзину со снедью, - к Иверской, знаешь?

Санёк кивнул, слегка удивившись такому совпадению. Через несколько минут он уже с профессиональной ловкостью втиснул машину на едва освободившееся место у большой кованой ограды. Закрыл машину и пошел вслед за женой в ворота. Вообще-то Санёк не собирался заходить, но уж очень приветливо выглядел церковный двор. Чисто выметенные дорожки, лужицы присыпаны песком, первые желтые глазки мать-и-мачехи рассыпались вдоль ограды. Даже солнце, отражаясь от золочёных куполов, светило по-особенному ярко. «Как у бабушки», - опять подумал Санёк. Ближе он не стал подходить, остановился у высокого церковного крыльца с нарядными балясинами. На больших деревянных столах люди торопливо расставляли корзины, подносы, пакеты с праздничной едой, зажигали свечи одну от другой. Огоньки робко трепетали на весеннем ветру. Из дверей вышел батюшка. Молодой, не старше

Санька. Молитву прочитал солидно, неторопливо, запевал басом, потом обрызгал из большой чашки водой всё, что было на столах, не забыв щедро брызгать и на людей. Капли сверкали в солнечных лучах, люди улыбались. Во всём явственно ощущался наступающий праздник. Надюша подхватила корзину и быстро пошла к воротам, Санёк нагнал её, подхватил ношу и заглянул в лицо. На рыжеватых волосах, непривычно прикрытых платком, сверкали капельки воды. От этого лицо жены казалось необычно светлым, как будто даже сияющим.

- Чего ты, - смутилась она, заметив восторженный взгляд мужа, - погоди, я платок сниму.

- Не надо, - Санёк слегка взял её за руку, - у тебя лицо совсем другое...

Надюша засмеялась. Так и пошли к машине. Отвёз её домой, а у самого рабочий день в разгаре. Следующий вызов к больнице, недалеко. Правда, везти придётся в другой район, по самым загруженным улицам. Да ничего, он все проезды до тонкостей изучил: где переулочек сквозной, где через двор проехать можно. Возле больницы Санёк припарковался на стоянке поближе к крыльцу. Он увидел, как две женщины медленно спускались по пологим ступеням. Одна — совсем старенькая, в платочке. Другая молоденькая, но тоже в платочке. И удивительно похожи между собой. Сразу видно: бабушка и внучка. Санёк вышел, открыл дверь, помог сесть, потом ловко забросил в багажник сумки. Ему не трудно, а людям приятно, когда о них заботу проявляют.

- Спаси, Господи, сынок, - удивительно звонким голосом сказала старушка.

И молодая повторила вслед:

- Спаси вас, Господи, - и даже поклонилась ему, как будто он невеста что сделал!

- Да что такого, мне ж нетрудно, - пробормотал он, - у меня тоже бабуля была. Правда, уже давно её нет в живых. Хорошая она была и так же вот в платочке ходила.

- Как звали вашу бабушку? — спросила молодая женщина.

- Надеждой, - ответил Санёк,

мимоходом удивившись вопросу.

- Хорошей, видно, она была, раба Божия Надежда, раз вы так её помните, - сказала пожилая женщина, - помолимся мы за неё. И вы помолитесь.

Санёк пожал плечами. В церковь бабуля иногда ходила, это верно. Далеко, через два села, стоял на взгорочке храм. Несколько раз и он, маленький, ходил с ней. Правда, больше в ограде сидел, лишь иногда ненадолго заходил в темноватый храм. Санёк помнил, что там всегда было много народа, и ему, маленькому, ничего не было видно. Только издали доносилось по временам пение, да возглас: «Миром Господу помолимся!» А как это, помолимся, он представлял себе смутно.

- А зачем именно молиться? — решился он спросить своих пассажиров, удачно объехав пробку по проходным дворам, - я и так её добрым словом вспоминаю часто. Даже жену выбрал с бабулиным именем. Вот честно, понравилась девушка, но и до неё многие нравились, а как услышал, что Надеждой зовут, так сразу понял — это она. И с выбором не прогадал.

- Значит, и о тебе твоя бабуля молится, - уверенно сказала старушка.

- Да как же молится, когда её уж лет десять в живых нет? — удивился Санёк, - они и не встречались с моей Надюшей никогда.

- Эх ты, - улыбнулась старая женщина, - неужели не знаешь, что у Бога все живы? И случайного ничего на земле нет. Всё по воле Божией происходит. Крепко любит тебя твоя бабуля, Бога о тебе просит, вот и вымолила для внука хорошую долю. А ты, верно, тоже её любишь?

- Ну да, любил, - неуверенно сказал Санёк, подумал и добавил, - да и сейчас люблю. Руки её помню, как она меня в школу собирала, как блины пекла, а потом садилась напротив, смотрела, как я ем, слушала, когда рассказывал про свои дела. Она так слушала, что я всё ей рассказывал. И вот, когда уже умерла бабуля, я тоже ей рассказывал. Так мне хотелось, чтоб она меня услышала!

Санёк замолчал. Он вспомнил, как вечерами бабуля вязала носки

или штопала его вечно продиравшуюся одежду и неспешно рассказывала о дальних годах, неведомых ему, но родных по крови людям. И эти люди, как живые, вставали перед ним, а он ощущал себя частицей большого рода. Незаметно закончилась дорога. Санёк помог женщинам поднять вещи.

- Как вас зовут? — спросила его молодая женщина, когда он уже повернулся, чтобы уйти.

- Санёк, - привычно ответил он.

- Александр, - повторила она, - спасибо вам. Мы будем молиться о вас с бабушкой. Вы добрый человек.

От этих слов Санёк смутился. Он кивнул головой, пробормотал невнятно «да ничего особенного» и бегом пустился к машине. Сел, привычно опустив руки на круглую надёжную баранку. Поднял глаза и чуть не закричал в голос: через двор семенящим шагом шла бабуля! Санёк мигнул — наваждение исчезло. Это просто старушка, немного похожа, и всё. Наверное, и впрямь не случайно он сегодня встретил этих женщин. Надо будет обязательно заехать в эту церковь, где сегодня Надюша освящала куличи, узнать, как правильно помолиться о его бабуле. Запищал сигнал от диспетчера. Вызов через два дома. Надо же, как удачно день складывается.

У подъезда поджидал полноватый мужчина лет сорока. Рывком открыл дверцу, резко сел, бросил отрывисто:

- В центр.

В центр, так в центр, там разберёмся, не стал спорить Санёк. Пассажир сердито отвернулся в окно. Хмурился, недовольно поводит плечами. Сейчас жаловаться начнёт, уверенно решил Санёк.

- Вот скажи мне, таксист, - решительно обернулся он, - как можно радоваться тому, чего нет и отказываться от простой и понятной радости?

Санёк неопределённо пожал плечами, но раздражённый пассажир явно и не ждал ответа. Теперь он полностью развернулся к водителю и горячо заговорил:

- Я ей ясно объяснил, как только мы стали встречаться серьёзно, что никакие осложнения мне не нужны. Живём, радуемся, отдыхаем вместе

— это же хорошо! Молодость один раз даётся, зачем гробить её на бессмысленные труды, и так забот в жизни хватает.

Это ты, пожалуй, через край, про молодость. Вон уж лысина пробивается. Санёк искоса посмотрел на мужчину. Как сердится, руками машет, видно, сильно его за живое задела.

- Я говорю, - продолжал он, - нам замечательно вдвоём, давай не будем разводить никаких теорий. А она! Приезжай, говорит, у меня сюрприз. Сюрприз! Приехал, конечно, выходной же. Она радостная. Прямо светится вся, никогда такой не видел. Залюбовался просто. Стол накрыт, эти куличи стоят. Уже это мне не понравилось. Банальность какая! Мало того, что мне на эти куличи только полюбоваться сегодня предложила, после полуночи, говорит, как на Крестный ход ходим, разговеемся, так ещё и счастливую новость выложила! Понимаешь, о чём я?

Санёк кивнул. Он давно уже всё понял и сейчас боролся с сильным желанием высадить этого гуся прямо посреди дороги. Но нельзя, пассажиров не выбирают. А жаль...

- Я, говорит, его уже так люблю, потому что он — от нашей любви. Думала, что я эту дурацкую радость разделю, целовать кинусь, руку и сердце предложу. Я ей ещё раз напомнил, что никаких осложнений мне не надо, не о том мы договаривались. Всё сказал, как есть, разумно объяснил, что надо сделать, раз сама не понимает. А она помолчала, потом говорит: я его люблю и предать, беззащитного, не могу. Кого предать?! Кусок мяса!

- Молодец, - тихо сказал Санёк, - выгнала она тебя? Молодец! Они вдвоём счастливы будут, а ты так и проживёшь, один. Водителя в движении отвлекать запрещено, так что сидите спокойно.

Пассажир взмахнул рукой, пожевал губами, будто хотел сказать что-то резкое, но смолчал. Возле ближайшей станции метро он буркнул: «Останови», - кинул деньги на сидение и быстро зашагал по ступеням.

Солнце уже клонилось к закату. Санёк подустал. Утренняя радость, добрые встречи и воспоминания

поблекли. Он завернул в ближайшее кафе, выпил чаю. Вдруг остро захотелось поскорее очутиться дома, увидеть Надюшу, рассказать ей обо всех сегодняшних событиях. Она умела слушать его так же, как бабуля когда-то. Ничего, скоро смена закончится. Завтра они весь день будут вместе. Можно сходить в парк, посмотреть, прилетели ли утки на озеро, а можно и в церковь зайти, она хотела. Главное, вместе.

Ещё пара недалёких поездок: весёлая молодая компания в кино и молодая семья в храм. Санёк удивился — как по-разному могут выглядеть люди. И те, и другие одного возраста, а как будто с разных планет. Одни — хохочущие, раскрашенные, как индейцы на тропе войны. Другие в тихой сосредоточенности и как будто несущие в себе какую-то тайну. Какую? Ему очень хотелось разгадать её.

В город входила ночь. Санёк остановился неподалёку от храма, приоткрыл дверцу. В машину волевался весенний запах молодой травы, сохнувшей земли, распускающихся тополиных почек. И тишина, непривычная в большом городе, вдруг опустилась на землю и окутала собой всё. В эту тишину врывались удары колокола, один за другим. Они несли на волнах звука что-то неведомое, новое и прекрасное, заполняющее до краёв. Санёк вбирал в себя это неведомое и ощущал, как тепло наполняло душу. Он ехал по ночному неспящему городу и слышал со всех сторон радостный перезвон. Поглядывал на ночных пассажиров — двух мальчиков, маленькую девочку и маму, которые возвращались домой из дальней поездки. Девочка дремала, а мальчишки нетерпеливо глазели в темноту окна и без конца спрашивали у мамы, когда же они увидят папу. А потом их папа радостно встречал посреди улицы, подхватив на руки разом всех. Ночные пассажиры в основном путешественники. Вокзал, аэропорт: встречи и расставания.

- Санёк, прими последний вызов, - усталым голосом сказала Светка, - от Иверской церкви забирай пассажиров. Уже служба закончилась. Счастливо тебе отдохнуть.

Санёк даже не удивился, развернулся на пустынной дороге и по-

ехал к уже знакомому храму. Смолк последний праздничный удар колокольного перезвона. Из ворот выходили люди. Они были разными: совсем юными и молодыми с детьми, даже с колясками, солидными, или совсем старенькими. Но все похожи. У всех на лицах отсвет той радости, которая сегодня ночью краем коснулась и его. Кажется, это называется благодать — подумал Санёк. В его машину села пожилая пара. Он — высокий седой старик, она — до плеча ему, с уютными морщинками.

- Христос Воскресе! — радостно сказал мужчина, усаживая свою жену.

Санёк чуть помедлил, потом уверенно ответил:

- Воистину Воскресе!

Машина легко ехала по пустым улицам. Пассажиры негромко переговаривались, вспоминая, как особо торжественно пел сегодня хор, как радостно служил молодой священ-

ник, как ликовал маленький мальчик на руках у молодой прихожанки.

- А вы, юноша, всю ночь работали? — сочувственно сказала женщина, — такое торжество пропустили! Но не расстраивайтесь, вы же доброе дело делаете. Господь обязательно за труды вознаградит.

- Да какие там особые труды, — ответил он, — дело привычное. А, скажите, вы в храм на всю ночь ходили — это же трудно? Можно было и дома по телевизору службу посмотреть, наверное. Я знаю, так многие делают.

- Да как же такой радости лишиться, — покачал головой мужчина, — потом целый год придётся ждать Пасхи! Нет, мы с Надюшей не можем так просто потратить эту драгоценную ночь. Кто знает, доживём ли до следующей? Разное в нашей жизни было. И расставания, и дальняя дорога, и горе. Но радости было больше.

Санёк уже не удивился. Это было просто чудо. Пасхальное чудо, которое ему, неведомо за что, дал Господь в эту ночь. Старики рассказывали ему о Пасхе, о службе, о молитвах, даже пели слаженным дуэтом. Санёк слушал, вбирал в себя, чтобы ничего не забыть, чтобы, придя домой, рассказать обо всём Надюше. Они обязательно тоже пойдут вместе на Пасху, услышат, увидят своими глазами чудную радость, вместе, чтобы вот так же пронести её потом, не растеряв ни капли, через всю долгую жизнь.

Он ехал домой. Дорога, ещё не заполненная машинами, ровно ложилась под колёса. Поворот, ещё поворот. Над крышами домов показалась заря. Розовая полоска становилась ярче, переливаясь позолотой. Новый день шёл в мир, неся радость и свет.

Елена Попова

СОВЕТУЕМ ПОЧИТАТЬ

Предлагаем вниманию наших читателей книги замечательной православной писательницы Юлии Николаевны Вознесенской. Она писала в редком и сложном для православного писателя жанре фэнтези, впервые предложив его для миссионерской проповеди. Её книги популярны у читателей разных возрастов, потому что сочетают в себе увлекательный сюжет и сложные богословские истины. В произведениях Юлии Николаевны сочетаются юмор и трагедия, мягкая ирония и глубокая любовь. Она написала 17 книг. 20 февраля 2015 года, накануне Великого Поста, Юлии Николаевны не стало. Помолимся об упокоении рабы Божией Юлии и почитаем её книги — лучшую память о доброй христианке.

«Мои посмертные приключения» — первая книга в православном творчестве Юлии Вознесенской. Она была написана в Леснинской православной женской обители Пресвятой Богородицы во Франции, в 1999 году. Действие повести-притчи начинается... со смерти главной героини. Множество испытаний ожидает ее по ту сторону жизни. Что это — странствия в аду, в поисках спасения от вечных мук? Только ад уж больно похож на нашу обыденную жизнь... Может быть, не зря говорят, что смерть — это только начало, и только от нас зависит, что нас ждет впереди? В удивительных и порой страшных приключениях главной героини книги в загробном мире читателю открываются духовные истины, хранимые Православной Церковью. Что такое мытарства души, что ждет нас после смерти, какие искушения подстерегают нас — об этом рассказывают «Мои

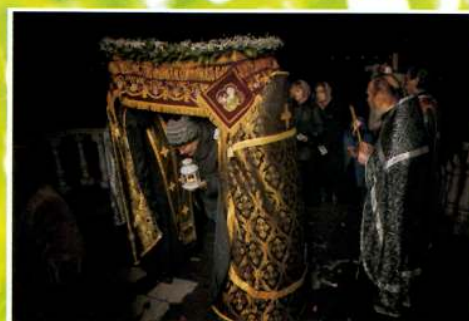
посмертные приключения» — собрание крупиц духовной мудрости и опыта многих людей. Чудеса и удивительные события, происходящие с главной героиней книги, сотканы из реальных эпизодов, имевших место в жизни автора и ее близких. Юлия Вознесенская прибегает к художественным образам, метафорам, сравнениям, пытаясь передать чувства души, встречающей Бога.

«Путь Кассандры, или Приключения с макаронами» — фантастический роман-антиутопия, повествующий о временах господства на земле Антихриста-Лжемессии. Его главная цель — сокрыть от людей правду о Боге. Делается это весьма хитро — людям предлагаются ложные наслаждения и удовольствия, которые занимают их разум, но при этом убивают душу. Но не все верят в эти хитрости Антихриста. Кассандра понимает, что навязанный обществом стиль жизни — это путь в никуда, в погибель. Ничто не может заставить ее прекратить поиски непреходящих жизненных ценностей и истинного блаженства. Никакие препятствия не могут помешать ей отыскать путь к Богу, который является источником всей радости и счастья. Кассандра — прекрасный пример для подражания. Те испытания, которые приходится преодолевать ей, могут показаться слишком жестокими для молодой девушки, но она стойко проходит сквозь любые невзгоды. Так и нам стоит преодолевать жизненные сложности и искушения, стараясь не запутаться в ловушках и ложных тропинках, увозящих человеческую душу с пути света и добра. Главная героиня книги, возрожденная для настоящей жизни великим чудом любви, преодолевает множество трудностей и

находит свой путь к Богу. Повесть «Путь Кассандры» — еще одна попытка напомнить нам, что конец света наступит, по словам апостола Павла, когда оскудеет любовь, а люди станут самолюбивы, горды, надменны, злоречивы, неблагодарны и жестоки...

«Паломничество Ланселота» — продолжение фантастического романа «Путь Кассандры», действие которого происходит в недалеком будущем. Европейские государства после экологической катастрофы объединились под властью президента, называющего себя «Спасителем и Мессией». Планетянин Ланс отправляется в паломничество на далекий остров Иерусалим, чтобы получить исцеление от «Мессии». Исцеление страждущих происходит в главной резиденции — новой Вавилонской башне. Следуя за героями книги, мы по-иному начинаем понимать известные, но так и не узнавшие по-настоящему любовь, веру, добро...

Великий Четверток и Великий Пяток. 2015 г.

Пасхальный Крестный ход. 2015 г.

9 мая 2015 г. Празднование 70-летия Победы в п. Краснообск

